

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА: НОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Аналитический обзор

Москва. 2003

ББК 87; 87.4
Ф 56

Серия
«Проблемы философии»

Центр гуманитарных научно-
информационных
исследований

Отдел философии

Автор – *Л.А.Боброва*, канд. филос. наук
Ответственный редактор –
А.И.Панченко, д-р филос. наук

Ф 56
Философия и логика: Новые взаимосвязи: АО/РАН.
ИНИОН. Отд. философии. Отв. ред. Панченко А.И.,
авт. Боброва Л.А. — М., 2003. — 64 с. — (Сер.: Пробле-
мы философии).
ISBN 5-248-00180-3

В обзоре рассматривается состояние дисциплин, сложившихся на стыке философии и логики: философия логики, в которой раскрываются философские вопросы, поднимаемые развитием логики (природы логики, психологизм в логике и др.); философская логика как дисциплина, в которой современный логический аппарат применяется для уточнения и решения традиционных философских проблем (проблемы времени, норм и др.); логическая философия, в которой отражается влияние идей современной логики на философию. Раскрывается также опыт аналитической философии как философского направления XX в., наиболее тесно связанного с логикой. Обзор включает работы как зарубежных, так и отечественных философов и логиков. Обзор подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Грант 02-03-18058а.

ББК 87; 87.4

ISBN 5-248-00180-3
РАН, 2003

©ИНИОН

Содержание

Введение	4
Часть 1. Философия логики	9
Проблема предмета логики	10
Проблема психологизма в логике	13
Проблема обоснования логики	21
Проблема предметности в логике	24
Проблема универсальности логики	26
Логика как феномен культуры	29
Часть 2. Философская логика	33
Роль логики в построении онтологической картины мира	34
Роль логики в решении эпистемологических проблем	36
Часть 3. Аналитическая философия и логика	41
Логика и метафизика	42
Логика и эпистемология	50
Логика в историко-философских исследованиях аналитической философии	54
Заключение	60
Список литературы	61

Введение

Взаимосвязь философии и логики выделяется сегодня в самостоятельную проблему. Этому способствует ряд обстоятельств.

Во-первых, это связано с развитием самой логики в XX веке. Ведь традиционно она рассматривалась как неотъемлемая часть философии. Но на рубеже XIX–XX веков в логике произошла «революция», которая привела со временем к ее выделению в самостоятельную конкретную науку.

Во-вторых, суть «революции» в логике состояла в создании и активном применении новых методов логического анализа (формализованных языков, логических исчислений, точных семантических методов исследования языковых контекстов, аксиоматических и алгебраических методов). Этот процесс математизации логики, казалось бы, вел к ее отдалению от философии. Но, как отмечает Е.Д.Смирнова, напротив, он делает эту связь еще более тесной (25). Современный аппарат логики позволяет более точно ставить, обсуждать и решать традиционные философские проблемы.

В-третьих, характерной чертой развития логики является постоянное расширение сферы логического. В историческом плане это выглядит следующим образом: Аристотель явился создателем силлогистики, стоики – логики сложных суждений, Фреге и Пирс разработали логику предикатов, XX век привел к разработке неклассической логики (многозначная логика, модальная, релевантная, паранепротиворечивая). Сам факт конструирования многообразия формальных систем нередко расценивается как показатель отрыва логических систем от «реальных», интуитивно обоснованных способов рассуждения.

В середине века складывается особое направление, получившее название «философская логика». Мощным импульсом к ее становлению стало развитие семантики, особенно семантики «возможных миров».

Применение аппарата семантики к традиционным проблемам философии оказалось весьма плодотворным.

Аналитическая философия в XX веке — это направление, наиболее тесно связанное с логикой. Современное ее состояние вызывает противоречивые оценки. Как будто, не вызывает сомнений, что роль логики в аналитической философии уменьшилась, что возобновился интерес к метафизическим проблемам, что происходит сближение аналитической и континентальной философии. С моей точки зрения, для оценки современного состояния аналитической философии главное внимание следует уделить соотношению логики и метафизики. Прежде всего, необходимо решить, где проходит различие между аналитическим философом (для которого логика является основанием метафизики) и ученым, который применяет логику к философии, или это один и тот же персонаж? И прав ли В.А.Смирнов в том, что аналитическая философия сегодня уже не существует, а есть только логик, интересующийся, в частности и философскими проблемами (1)? Для ответа на эти вопросы, необходимо исследование ситуации не только в аналитической философии, но и в логике.

Сегодня, на рубеже тысячелетий многие возьмутся за труд подвести итоги развития логики и наметить перспективы на будущее. Очевидно, это будет делаться с самых различных позиций (6, 16, 26). В данном обзоре речь пойдет о тех тенденциях в развитии логики XX века, которые оказали наибольшее влияние на представления о природе логики, на отношения логики и философии.

«Золотым веком логики» назвал XX век ведущий логик и философ современности Георг Хенрик фон Вригт, выступая на IX Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. С его точки зрения, главные философские направления третьего тысячелетия будут заметно отличаться от тех, что были во втором тысячелетии. «Именно логика была отличительным признаком нашей эпохи» (6, с.85). С этим утверждением нельзя не согласиться. «Прогноз» фон Вригта состоит в том, что логика не будет в обозримом будущем играть столь же заметную роль в философии, какую она играла в XX веке. «Мне кажется маловероятным, — пишет фон Вригт, — что логика будет продолжать играть ту решающую роль в целостной философской картине эпохи, которую она играла в нашем столетии» (6, с.89).

Основанием для такого прогноза служит тот факт, что логика выделяется из философского знания в самостоятельную науку.

«Я, — пишет фон Вригт, — попытался рассмотреть развитие логики в нашем столетии как постепенный прогресс в направлении от философского очарования, вызванного кризисом в основаниях математики, и путаницы, связанной с переоткрыванием областей изучения, долгое время оставшихся нетронутыми, к повышенной ясности, точности, концептуальной трезвости. Но логика, трансформированная таким образом, перестает быть философией и становится наукой» (6, с.89).

Прогноз есть прогноз, но все-таки с ним хотелось бы поспорить. Не вдаваясь с эту проблему глубоко, следует отметить, что он звучит диссонансом с бурным развитием самой логики, с примерами все расширяющегося применения аппарата логики к философии. И уже встает вопрос, что фон Вригт понимает под логикой? Поскольку речь у фон Вригта идет о математической логике (как современном этапе формальной логики), в которой ведущим методом является метод формализации (построение формализованных языков), то прогноз фон Вригта можно толковать как утверждение, что развитие формальных методов удаляют логику от философии. Таким образом, здесь встают принципиальные вопросы: какова природа современной логики, как изменения в логике влияют на ее отношение к философии, в частности, как эти изменения влияют на ее отношения к аналитической философии? В чем состоит глубинная связь логики и философии?

С моей точки зрения, именно совершенствование методов формализации и логического анализа создали возможность более глубокой связи философии и логики. Обоснованию этого тезиса и будет посвящено данное исследование.

Развитие логики в XX веке сопровождалось бурными дискуссиями о природе логического знания. Эти дискуссии не завершены и сегодня.

Логика получила свой современный вид в работах Г.Фреге и Б.Рассела. Изменения, связанные с внедрением идей и методов математики в логику, были настолько радикальны по отношению к традиционной формальной логике, что вызвали дискуссию, является ли эта логика частью философии или частью математики. В нашей стране эта дискуссия продолжалась до середины века и закончилась признанием новой логики — современным этапом развития логики. Для ее обозначения оставили термин «математическая логика». С.А.Яновская выделяла два толкования термина: 1. Это название определенного этапа развития логики (предмет не изменился, а методы изменились). 2. Это область применения логики. Математическая логика является разделом логики, в котором исследуются процессы математических рассуждений (1). Учи-

тывая второе употребление термина, позже появился термин «философская логика», как раздел логики, в котором исследуются философские рассуждения.

Современное развитие логики имеет общую тенденцию ко все большей абстрактности. Логика «становится наукой о конструировании, которое имеет экстремально абстрактную природу» (16, с.7).

Мощным импульсом в развитии логики стала разработка семантики. Семантика включает два направления: теорию истины (начало связано с работой А.Тарского) и теорию значения. Современный этап развития семантики связан с «семантикой возможных миров». Она начиналась (конец 50-х – начало 60-х годов) как построение семантического (модельно-теоретического) базиса для синтаксических (аксиоматических и дедуктивных) систем модальной логики (в частности систем Льюиса).

Понятие возможного мира можно описать следующим образом (22). Будем считать наш мир (мир, в котором мы живем) реальным, действительным. Представим себе множество всех атомарных предложений (высказываний). Атомарными называются предложения, которые сами не состоят из других предложений и не являются отрицаниями предложений. Исключим из представленного множества все повторяющиеся предложения. При соотнесении входящих в образованное множество предложений с действительным миром одни из них окажутся истинными, другие – ложными. В данном случае для нас не имеет значения, можем ли мы каким-либо образом решать вопрос об истинности и ложности того или иного предложения. Мы просто считаем, что одни предложения соответствуют тому, что существует в реальности, а другие – нет, независимо от того, знаем мы или не знаем (даже, как бывает, принципиально не можем знать), какие именно соответствуют, а какие – нет.

Множество предложений, образованное из всех истинных атомарных предложений и отрицаний всех ложным, представляет собой описание состояний реального мира на какой-то данный момент.

Упоминание о данном моменте, очевидно, приходится делать не случайно. Так как уже в некоторый следующий момент мир изменится и какие-то из истинных ранее предложений станут ложными и, наоборот, некоторые ложные непременно станут истинными. Этому новому миру будет соответствовать иное описание состояний, получаемое за счет изменения (присоединения или устранения) отрицания перед атомарными предложениями. Аналогично будет обстоять дело и в каждый последующий момент. И мир, с которым мы имеем дело в настоящий момент, и

миры, которые были в прошлом и которые будут в будущем, — все они относятся к числу возможных миров. Наш мир есть лишь один из возможных.

С чисто логической, с формальной точки зрения, не имеет значения, какого рода события (важные или не важные) различают два возможных мира. К тому же логика имеет дело не с событиями, а исключительно с высказываниями о них. Поэтому для логики «возможный мир» — это множество предложений, описывающее все факты онтологически возможного мира.

С изобретением семантики возможных миров исследования по модальной логике (а затем и более широкой области интенциональной логики) стали развиваться в сторону все меньшей «философичности» и все большей «техничности». Как отмечает фон Бригг, «имеет место процесс «разочарования», когда изначально противоречивый предмет переходит из рук философски мыслящих логиков в логически мыслящих математиков» (6, с.87). В противоположность точки зрения фон Бригга, важно отметить, что семантика возможных миров открыла возможность исследования не только целого ряда чисто логических проблем, но, что важно для нас, и проблем философских.

Разработав метод формализации, логика быстро осваивала новые области, расширяя свой предмет. Не успели затихнуть споры о математической логике, как развернулась дискуссия о неклассической, а вслед за ней и о паранепротиворечивой логике.

Появление модальных логик характеризуется как становление неклассической логики. Классическая логика не тождественна этапу доматематической логики.

Принципами анализа рассуждений в классической логике являются следующие: 1. Область исследования составляют обыденные рассуждения и рассуждения в классических науках. 2. Отвлечение от содержания высказываний и от связей по смыслу между ними. 3. Абстракция двузначности высказываний (истина — ложь). Классическая логика признает в качестве базисных закон исключенного третьего и закон противоречия.

Первыми из современников, увидевших возможность открытия неклассических логик, были Я.Лукасевич, и Н.А.Васильев.

С точки зрения Г.В.Сориной и В.С.Меськова, «появление неклассических логик было вызвано развитием различных областей научного знания, для адекватного описания которых был необходим анализ разных типов рассуждений. При этом предмет науки логики по-прежнему не

меняется, им остаются рассуждения, изменяются лишь основополагающие принципы построения неклассических логик» (32, с.102).

С формальной точки зрения, переход к модальным, интуиционистским и тому подобным логикам означал отказ от тех или иных принципов, на которых основывается классическая логика. Причем сомнения относительно закона противоречия затронули основания логики гораздо глубже, чем сомнения по поводу закона исключенного третьего. Реакция на противоречия требует подвергнуть тщательному исследованию саму идею логического вывода. Исследования ведутся в двух направлениях: 1) релевантная логика (модифицирующая классическое представление о логическом выводе с целью учета следования по содержанию); 2) паранепротиворечивая логика (цель которой – показать, как противоречия могут быть «сохранены» в рассуждениях без угрозы тривиализации или «провала» истинностных значений).

Неклассическая логика имеет два главных направления: интуиционизм и логики типа паранепротиворечивых. С точки зрения фон Фригта, оба эти направления «служат базисом, из которого вырастает многообразие альтернатив эпистемической, деонтической и других логик. Но в настоящий момент все это еще находится в стадии младенчества» (6, с.89).

Выделение логики в самостоятельную науку и специфические черты ее развития в XX веке поставили вопрос о соотношении философии и логики. Этот вопрос имеет две стороны: влияние философии на логику (философия логики) и влияние логики на философию (философская логика).

Часть 1 ФИЛОСОФИЯ ЛОГИКИ

В философии логики ставятся философские вопросы, поднимаемые развитием логики: проблема предмета логики, нового психологизма, проблема универсальности логики, ее содержания, проблема обоснования логических систем, соотношения логики и онтологии, логики и эпистемологии, логики и языка. Сегодня особенно остро дискутируются вопросы о предмете логики.

Проблема предмета логики

Проблема касается вопроса, что лежит в основе логики, о чем логика? То ли это наука о мышлении (как трактовался предмет традиционной логики до конца XIX в.), то ли это наука о языке (как предмет логики трактуется в математической логике)? В конце XX в. встал вопрос о новом психологизме в логике. Это одна сторона проблемы. Другая сторона — определяется вопросом, является ли логика только органом, в современной терминологии, — теорией вывода, или она включает концептуальный анализ? Каковы границы логики?

Проблема предмета логики тесно связана с проблемой ее обоснования и с проблемой универсальности логики.

Например, возьмем определение логики из «Философского энциклопедического словаря» (1983). «Логика — наука об общезначимых формах и средствах мысли необходимых для рационального познания в любой области знания» (33, с.316). В статье выделяется современный этап развития логики. «Современная формальная логика — исторический приемник традиционной логики. Для нее характерно разнообразие теорий, в которых изучаются способы рассуждений, приемлемые с точки зрения каждой такой теории, а также их формализация, т.е. отображение в логических исчислениях (формализмах)» (33, с.316). Таким образом, качественное отличие современной логики от традиционной видится в переходе от изучения форм мысли к построению теории рассуждений. При этом современная логика отказывается от принципа универсальности. В раскрытии содержания логики не ставится вопрос об отношении логики к миру.

В настоящее время выходит много учебников по логике, и в каждом из них дается свое определение. Эта ситуация не случайна, она отражает период становления логики как самостоятельной науки. С моей точки зрения, наиболее четко на поставленные вопросы отвечает определение, данное Е.А.Сидоренко: «Логика — это научная дисциплина, исследующая класс проблем, связанных с правилами и нормами преобразований фиксированной в языке информации. При этом правила и нормы, о которых идет речь, детерминируются исключительно свойствами самого фиксирующего и передающего информацию языка. Детерминируются, в первую очередь, сложившимися и установившимися взаимоотношениями между терминами используемого языка, на основании которых (взаимоотношений) одни предложения языка в случае своей истинности гарантируют истинность других его предложений. И эта гарантия обусловлена не тем, что так устроен мир, но тем, что так устроен язык, на котором мы этот мир описываем» (22, с.21). И далее он добав-

ляет, что в логике современной, где используются символические языки, взаимоотношения между терминами языка являются в значительной мере конвенциональными, а нередко и прямо постулируемыми. Это описание представляет собой очень жесткую позицию детерминации логики только языком. Более мягкую позицию занимает Р. Вуйцицкий. Он выделяет три рода логики: математическую, философскую и общую. «Главная задача общей логики состоит в том, чтобы раскрыть и проанализировать математические модели, на которых основываются умозаключения» (7, с.93). Это относится к умозаключениям, которые основаны не на логических правилах, а на значении слов. Например, можно сделать вывод: «А выше С, потому что А выше В, а В выше С». В данном случае употребляется предикат «выше» как обозначающий некоторое транзитивное отношение. С логической точки зрения, это означает, что вывод основан на некотором классе математических моделей для предиката «выше». Поскольку мы хорошо понимаем слово «выше», мы знаем этот класс (он состоит из множеств, на которых определено асимметричное транзитивное отношение). В общем случае задача нахождения модели является далеко не тривиальной.

Логике в целом как модель рассматривает Б.Н.Пятницын. С его точки зрения, «логика может выполнять и выполняет в познании, по меньшей мере, две основные, так сказать, равноважные роли. Являясь инструментом получения нового знания, логика также выступает в качестве теоретико-познавательной модели» (20, с.97). Важнейшим, хотя и не единственным проявлением этого ее качества является то, что логика функционирует как аналитический инструмент, т.е. инструмент уже имеющегося знания. Примером другой функции логики как теоретико-познавательной модели является эвристическая, поисковая функция. При этом логика является двуединой, или билатеральной моделью. С одной стороны, она является функциональной моделью содержательной логики человеческого мышления, именно в этом своем качестве она выступает как инструмент для получения нового знания или анализа знания уже имеющегося. С другой – «логика является структурной моделью некоторого мысленного отображения действительности, в качестве которого могут выступать культура, т.е. целый пласт, характеризующий тип освоения действительности какой-то этнической группой или вообще какой-то частью человечества, научная теория некоторого фрагмента действительности или, наконец, научная деятельность, связанная с ростом и накоплением знания» (20, с.97). При этом логика рассматривает собственно содержательную логику человеческого мышления как «чер-

ный ящик», не обращая внимания на ее структурный и субстанциальный состав, но исследуя лишь функциональный аспект этой системы. Именно этот функциональный аспект и отображается во множестве моделей, представляющих собой различные формально-логические модели, или логики: классическую, модальную, вероятностную, интуиционистскую и т.д. Функциональный аспект и есть, с точки зрения Пятницына, «рассужденческий аспект человеческого мышления». В этом смысле содержательная логика человеческого мышления является многофункциональной системой, т.е. она способна выполнять все виды рассуждений, тогда как определенные формально-логические системы, моделирующие лишь отдельные виды рассуждений, являются однофункциональными системами.

Для выполнения логикой роли инструмента получения нового знания требуется воплощение формально-логической системы, как и любой формальной системы, в материальные «оболочки». Сегодня такой «оболочкой» становятся компьютеры, т.е. те их части, в которых непосредственно реализуются в качестве необходимых подпрограмм эти логические системы. Разумеется, для этого соответствующая логическая система должна не только иметь алгоритмический характер, но этот алгоритм должен быть реализован в программе, которая может быть реально введена в машину. «Поэтому лишь логика, построенная подобным образом на достаточно формализованном языке, может выполнять роль действительного, а не метафорического инструмента получения нового знания, т.е. своеобразную роль “логики открытия”» (20, с.99).

Представление о логике, данное Пятницыным, обладает рядом достоинств. Оно естественным образом связывает содержательную логику человеческого мышления с современной формальной логикой, естественным образом решает вопрос об универсальности логики: содержательная логика одна, а логик — моделей, формально-логических систем может быть сколь угодно много. И, что важно отметить, данное представление вписывается в тенденцию рассмотрения логики в контексте культуры, а также ставит вопрос о новом психологизме в логике.

Проблема психологизма в логике

Одной из главных тем международного семинара «Логическое кантоведение», проходившего в Калининграде в сентябре 1997 г., стала проблема психологизма, которая, казалось бы, была закрыта еще в 30-е годы победой антипсихологизма в логике, но вновь возродилась в конце

века. В связи с этим встает ряд вопросов. Каковы причины и условия возрождения дискуссии? Какое содержание вкладывается в понятие психологизма в новых условиях? Какую роль играет психологизм сегодня в логике?

Спор о «новом психологизме» встает и в связи с требованием учета некоторых характеристик субъекта познания, и с развитием компьютерных наук, где большое значение приобретает разработка процедур поиска доказательств.

В рамках современной дискуссии о психологизме можно выделить различные точки зрения. С одной стороны, все эти изменения побуждают некоторых исследователей заявить о принятии новой, современной версии логического психологизма. С другой стороны, продолжается защита антипсихологических установок в логике. С резкой критикой психологизма продолжает выступать Е.Д.Смирнова. С ее точки зрения, ни обращение к субъекту познания, ни программа поиска доказательств не дают оснований вернуться к психологизму (25, с.13)

Спор между психологизмом и антипсихологизмом в логике в начале века возник в результате начавшегося процесса математизации логики. Становление нового типа формальной логики было тесно связано с критикой господствовавшей в то время философской позиции психологизма. Главными вехами в критике психологизма явились работы Б.Больцано, Г.Фреге, Э.Гуссерля. В центре дискуссии тогда стояли вопросы природы логики, природы ее законов. Что изучает логика? Является ли она эмпирической или теоретической наукой? Имеет она собственный базис или ее основания лежат в психологии, математике или в теории познания?

В соответствии с психологизмом, психология считалась фундаментальной среди дисциплин, изучающих мышление. Основная задача логики виделась в исследовании внутренних механизмов мышления познавательной деятельности человека, опираясь на психологические методы (главным образом, метод интроспекции). Наибольшим влиянием пользовалась индуктивная трактовка логики Дж.Ст.Милля, который утверждал, что логика является частью или ветвью психологии. Необходимость логических законов усматривалась в непосредственных ассоциациях сознания (ассоцианизм в психологии).

Ведущая роль в становлении новой логики принадлежала Г.Фреге. В основе его критики психологизма В.Н.Брюшинкин выделяет следующие идеи: 1) отделение логики от психологии. Это означало, что законы логики больше не имеют отношения к мышлению как психологическому

процессу, они не зависят от мыслящего субъекта. Законы логики для Фреге являются «законами бытия Истины»; 2) Фреге подчеркивал, что необходимость законов логики отличается от необходимости естественнонаучных законов, она имеет другую природу; 3) Фреге отделял проблему бытия истины от проблемы становления истины. Последнее является субъективным, психическим актом, поэтому и должно изучаться психологией. Логика не имеет дела с проблемой поиска истины. «Я понимаю под логическими законами, – писал Фреге, – не психологические законы установления истины, а законы бытия истины» (цит. по: 3, с.95); 4) Фреге считал, что логика более обоснована, чем математика. Новая логика была ориентирована на обоснование математики (логицизм).

Итак, психологизм в логике начала века трактовал логику как эмпирическую науку, имеющую основания в психологии, которая рассматривалась как фундаментальная наука о мышлении. Антипсихологизм в логике был связан с процессом теоретизации логики, отделения ее от психологии и обретения тем самым собственных оснований. Сторонники антипсихологизма склонны рассматривать его победу в логике как окончательную. Возврат к психологизму ассоциируется с введением в логику субъективизма, релятивизма, иррационализма. Психологизм характеризуется как «уже завершившаяся тенденция в философии рассмотрения психологии в качестве фундамента для всех других наук» (31, с.69). Однако возрастающее внимание к психологизму, которое отмечается в 70–80-е годы, показывает, что окончательная победа может быть поставлена под сомнение, что далеко не все логики и философы согласны с этой оценкой. В частности, Брюшинкин считает победу антипсихологизма одним из мифов XX века.

Критика психологизма в начале века и одновременно успехи математической логики сделали психологизм непопулярным, придали термину отрицательный, уничижительный оттенок. Попытки вернуть термин, обозначив им новые тенденции, естественно вызывает сопротивление. Однако, с моей точки зрения, следует внимательнее посмотреть, какое же содержание вкладывается в термин «новый психологизм», ведет ли принятие «нового психологизма» к субъективизму, релятивизму и иррационализму.

С самого начала следует подчеркнуть, что речь не идет о возрождении классического психологизма начала века. Более того, как отмечает Г.В.Сорина, характеризуя идеи позднего Витгенштейна как антиантипсихологизм, что в данном случае двойное отрицание не эквивалентно классическому психологизму (30, с.13).

Раскрыть условия и причины возрождения дискуссии о психологизме в логике в конце XX века невозможно без обращения к контексту философии и культуры в целом. Особенностью современных рассуждений о логике является представление о ней как элементе культуры. В ней постоянно идет поиск новых методов, новых решений проблем, которые выдвигает наше время.

В 70-е годы развернулась дискуссия о природе познания. Эпистемология в ее традиционном понимании, в основе которого лежало субъектно-объектное видение мира с крайне абстрактным толкованием субъекта, перестала удовлетворять запросам дня, предстала исчерпавшей себя формой осмысления науки, познавательной деятельности в целом. Развитие современной эпистемологии идет, с моей точки зрения, одновременно по двум направлениям. Во-первых, эпистемология ориентируется на конкретно-научное исследование проблем познания (натурализация эпистемологии). Этот процесс отражает тот факт, что наука накопила достаточно много нового материала в области исследования мышления и психики человека. Многоплановость этих исследований (от психологии до физики) выдвинула сегодня задачу создания единой науки о мышлении, получившей название «когнитивной науки». В качестве ее составной части, по мнению многих исследователей, должна быть эпистемология. Натурализация эпистемологии представлена тремя течениями. Наиболее широко распространена эволюционная эпистемология (основоположники – К.Лоренц, Д.Кэмпбел). Она опирается на представление, что человек обладает познавательным аппаратом, развитым в процессе биологической эволюции человека. Объяснение процесса познания осуществляется на базе современной теории эволюции. Родоначальником генетической эпистемологии является Ж.Пиаже. Его идеи и разработки в области исследования процессов формирования мышления у ребенка легли в основу объяснения становления генезиса мышления человека вообще, они позволили поставить вопрос о реконструкции развития познания в историческом плане. Наиболее радикальной точки зрения придерживается У.Куайн, считающий, что эпистемология есть часть психологии (натурализованная эпистемология). Таким образом, эпистемология строится как учение о природе познания, его естественных и психических предпосылках.

Этой тенденции противостоит стремление преодолеть натурализм, включить всю познавательную проблематику в контекст культуры. Исследование познания предполагает социокультурную обусловленность познавательной деятельности человека. Этот подход существенно рас-

ширяет трактовку субъекта познания, включая коллективного субъекта. В центр внимания выдвигаются проблемы общения (коммуникативная природа не только научного, но и любого другого познания), диалога субъектов, и, следовательно, проблема понимания, а также ценностно-личностная природа познавательной деятельности. Субъект познания с необходимостью предстает как целостность, включающая эмпирического Я, «жизненный мир» и повседневность. Тем самым преодолеваются представления о чувственном познании как о «низшей» ступени, осознается важная роль «предзнания», допонятийных, дорациональных форм созерцания бытия, идет поиск понятийно-логических форм такого постижения в теории познания.

Обе эти тенденции ведут к разрушению идеала научности, сложившегося в условиях господства антипсихологизма в XX в. (и совпадающего с идеалом классического рационализма). По существу, эти тенденции отражают изменение статуса науки в современной культуре. В этих условиях актуальным становится вопрос: возможно ли сегодня сохранение антипсихологизма как современной философской установки или новые тенденции в современной философии ведут к возврату психологизма?

Возрождение дискуссии требует уточнения содержания термина «психологизм». Говоря о психологизме, следует различать два случая. Либо новые тенденции рассматриваются как преодоление классической научности и тогда меняются ее критерии. В этом случае возвращение в область исследования познающего человека (субъекта познания), его творчества, поисков истины, его способности ошибаться и учиться на ошибках, вопросов истории познания, возможности изменения знания, революций в знании и т.д. рассматривается как «возвращение психологизма» (в широком смысле). Либо речь идет о признании ограниченности классической научности. В этом случае анализ должен быть дополнен в тематике, как и в первом случае, но сохраняются критерии научности, критерии рациональности. Здесь, наверно, и следовало бы говорить о «новом психологизме» или о «возвращении психологизма» (в узком смысле).

Эта дилемма не всеми признается как возвращение психологизма. Поясним это на примере из логики. В середине 60-х годов появилась работа Монтегю о формализации прагматики. Прагматика – это область логики, изучающая отношение знака к носителю знака. Здесь налицо «психологическая» тема. Но речь идет о ее формализации.

Е.Д.Смирнова, например, не рассматривает эту ситуацию как «возвращение психологизма».

Таким образом, можно выделить две формы возрождения психологизма. Во-первых, возрождение «психологических» тем, связанное с изменением критериев научности, рациональности. Во-вторых, возрождение «психологических» тем при сохранении классических критериев научности. С моей точки зрения, сегодня следовало бы говорить о трудностях последовательного, систематического проведения позиции антипсихологизма в новых условиях обращения к «психологическим» темам.

Новый виток дискуссий о психологизме связан также с развитием логики, которое вновь обращает к старым проблемам. Это, прежде всего, проблемы соотношения логики и мышления. Е.Д.Смирнова отмечает, что «сторонники крайне негативного отношения к психологизму приходят к другому крайнему выводу: логика вообще не имеет отношения к изучению мышления» (25, с.47).

Освещение вопроса о связи логики и мышления Брюшинкиным имеет ряд специфических черт. Во-первых, он считает, что этот вопрос формулируется в рамках философии логики (а не самой логики) как вопрос о соотношении формализованных логических процедур и естественного мышления, связанного с процессами рассуждения и аргументации. Брюшинкин уточняет термин «философия логики» — это «специализированная область систематизации комплекса логико-философских проблем, т.е. проблем, в формулировку которых входит ссылка на конкретные объекты логического исследования, но которые вместе с тем имеют философский статус» (2, с.4). К таким проблемам относятся, например, следующие вопросы. Что такое «логическая форма»? Являются ли законы логики тавтологиями? Является ли логический вывод отражением процесса мышления? Каково соотношение дедуктивных процедур и естественного мышления?

Для ответа на вопрос о соотношении логики и мышления, с точки зрения Брюшинкина, достаточно решения следующих проблем: проблемы субъекта и объекта познания в логике, эвристичности логических процедур, информативности логических процедур, проблем анализа-синтеза в логике и соотношения языка и мышления. При этом предварительное решение центральной проблемы (принятие установки на утверждение или отрицание связи логики и мышления) определяет направление поисков при решении выделенных пяти проблем. А решение последних обосновывает решение центральной проблемы.

Во-вторых, в подходе Брюшинкина существенное значение приобретает вопрос о том, что принять за единицу исследования в философии логики. С его точки зрения, такой единицей должна стать «логическая процедура». Для раннего этапа развития математической логики (Фреге, Рассел, Витгенштейн), отмечает Брюшинкин, был характерен «высказывательный» подход. Его суть состояла в том, что в теории доказательств формализация касалась не самих рассуждений, а их результатов, т.е. теорем формализованных теорий, которые представляли собой высказывания. Эта особенность представления рассуждений была вызвана ориентацией логики на приложения в основаниях математики. «Это обстоятельство, которое, без сомнения, сыграло позитивную роль в развитии самой символической логики и исследований по основаниям математики, в философии логики стимулировало появление «высказывательного подхода» к представлению рассуждений, в рамках которого свойства рассуждения описываются при помощи результатов, относящихся к свойствам высказываний и множеств высказываний» (2, с.23). Примером может служить представление силлогизмов в системе Я.Лукасевича, система Д.Гильберта и «Трактат» Л.Витгенштейна. В рамках «высказывательного подхода» символическое представление рассуждений очень сильно отличается от естественных рассуждений.

«Высказывательный подход» формировался в то время, когда еще не были известны ни системы натурального исчисления, ни системы генценовского типа. Именно разработка этих видов представления рассуждений позволяет, с точки зрения Брюшинкина, перейти к введению логической процедуры как системной единицы в философии логики.

В-третьих, специфическая черта подхода В.Н.Брюшинкина состоит в том, что переход от психологизма к антипсихологизму на рубеже XX века он связывает с изменением ориентации логики на приложения. Основной областью приложения логики до Фреге были интроспективная психология и методика мышления. Психология пользовалась описанием форм мышления, принятым в логике. Считалось, что основным занятием логики является производство информации о естественном мышлении. Отсюда вытекала установка психологизма в обосновании логики, т.е. логика обосновывалась, исходя из данных о естественном мышлении.

С Фреге начинается ориентация логики на приложения к основаниям математики. Фрегевскую логику стали считать ветвью математики. «Если считать логику ветвью математики, то нет никаких оснований предполагать, что по своему отношению к мышлению она чем-то выделяется среди других областей математики. Если она даже и применима к

мышлению, то это применение случайно в том смысле, что оно имеется наряду с другими применениями» (2, с.49). Например, булева алгебра может быть интерпретирована и как «законы мышления», и на релейно-контактных схемах, и на множествах.

Начиная с 60-х годов, картина начала меняться под влиянием новой области приложений логики, связанной с моделированием на ЭВМ, по крайней мере, некоторых процессов, характерных для мыслительной деятельности человека. В наиболее четком виде эти приложения проявились в области искусственного интеллекта. Логические исчисления (в частности, классическая логика предикатов первого порядка) были первыми способами представления знания, используемыми при решении проблем искусственного интеллекта. То же относится к области когнитивной науки (например, язык Дж.Фодора). При этом решение задачи отождествляется с поиском вывода в соответствующем варианте прикладного исчисления предикатов.

Однако такой способ представления знания и решения задач, как подчеркивает Брюшинкин, натолкнулся на теоретические и практические ограничения. Первые были связаны, например, с неразрешимостью исчисления предикатов, а вторые — с тем, что они столкнулись с так называемым комбинаторным взрывом (т.е. с необходимостью экспоненциального роста вычислительных возможностей машины при решении достаточно простых задач). Эти трудности поставили задачу поиска «более содержательных по богатству отношений между объектами языков представления знаний. Отсюда берут начало понятия фрейма, схемы, сцены и т.д. и соответствующие виды логик: естественная, практическая, логика фреймов» (2, с.50). В логике эта ситуация породила новую область исследования — теорию поиска вывода.

С точки зрения Брюшинкина, именно ориентация логики на приложения в области искусственного интеллекта оказывает существенное влияние на решение проблем философии логики. Работа в области искусственного интеллекта требует уточнения свойств, характеристик мышления. Более глубокого понимания естественного мышления. «Новый психологизм, — считает Брюшинкин, — должен дать нам такую теорию логических процедур, в которой они считались бы моделями естественного мышления» (2, с.52). Тогда встает проблема: можно ли не психологически истолкованную логику рассматривать как модель процессов естественного мышления? Или другими словами, как сочетать непсихологическое обоснование логики с тем новым, что вносится в проблему

соотношения логических процедур и мышления исследованиями по искусственному интеллекту.

Признание дескриптивности логики является минимальным условием для концепции психологизма в любой его форме (2, с.52). Процесс поиска вывода должен отражать фактуальное содержание логических норм. Это положение проливает свет на поставленную проблему. «Действительно, дескриптивность поиска вывода помогает нам удачно сочетать нормативный и дескриптивный аспекты логики. Общезначимые формулы, выводы и т.п. считаются нормами, а дескриптивный аспект передается процедурами поиска вывода» (2, с.53).

Естественное мышление человека является процессом приобретения знаний. Поэтому модели мышления должны обладать эвристическим аспектом. Это станет возможным, если изменить задачу, которую должна решать логика. Обычно при работе с формализованными языками задача обнаружения логических отношений между высказываниями ставится и решается в метаязыке. Таким образом, работу логики можно описать как обоснование или опровержение метаутверждений о выводимости или следовании. Если рассматриваемый метаязык не формализован, то эти метаутверждения относятся к числу процессов естественного мышления данного субъекта. Именно метауровень и предлагает формализовать Брюшинкин посредством секвенциальных исчислений. Тогда задача логики – отделять истинные секвенции от ложных и обнаруживать пути установления истинности истинных секвенций и ложности ложных секвенций. Так определял задачу логики Дж.А.Робинсон. «При таком понимании задач логического исследования происходит важный сдвиг в истолковании логики, – пишет Брюшинкин, – логика более не представляет собой совокупности аналитических предложений, не сообщающих нам никакой внелингвистической информации, а оказывается информативной наукой, формулирующей (в метаязыке) свои утверждения, которые могут быть (фактически!) истинными или ложными, и изобретающей способы проверки их на истинность... Другими словами, понимание логики как «квазиэмпирической науки» о метаутверждениях типа секвенций может повлечь за собой переоценку роли психологических соображений в логике» (2, с.55).

Итак, подсистема вывода моделирует результаты естественного мышления, а подсистема поиска вывода – процессы естественного мышления. Основной тезис программы «метапсихологизм» Брюшинкин формулирует следующим образом: «структуры и процессы естественного мышления, связанные с рассуждениями и аргументацией, моделируются

структурами и процессами, имеющими место на метауровне логической системы» (2, с.58).

Проблема обоснования логики

Одна из центральных проблем логики сегодня – проблема ее обоснования. Еще в начале века считалось, что логика не нуждается в обосновании, или, во всяком случае, нуждается в обосновании меньше, чем математика (логицизм). Однако факт конструирования многообразия формальных систем ставит вопрос о том, что лежит в основе этого многообразия.

С точки зрения Смирновой, проблема обоснования логики тесно связана с вопросом о природе логического: является ли логика эмпирической или теоретической наукой? Освещение этих вопросов в начале века было связано с критикой психологизма в логике. Смирнова выделяет несколько путей этой критики: ссылку на нормативный характер логических законов, на их идеальность или на их конвенциональную природу. Но каждый из этих путей имеет свои недостатки. Так, нормативный характер логики не меняет существа дела, поскольку он может быть объяснен по-разному. В частности, логические нормы могут объясняться закономерностями объективно протекающего процесса человеческого мышления. При таком подходе вопросы обоснования логики снимаются.

Смирнова в категорической форме возражает против возрождения психологизма в любом виде. «Расширение горизонтов логики не дает оснований вернуться к «логическому психологизму» даже на новом уровне» (25, с.51). Возражая Брюшинкину, Смирнова считает, что задача логики состоит не в том, чтобы описать, как из посылок извлекаются следствия человеком или компьютером (или как ищутся доказательства), а в том, чтобы обосновать возможные способы рассуждения, методы поиска доказательств и т.д. Ни психология, ни компьютерные науки не могут обосновать логику. Логика основывается на объективных отношениях, складывающихся между результатами абстрагирующей, познавательной деятельности людей. Проблему обоснования логики берет на себя логическая семантика, которая, с точки зрения Смирновой, существенно опирается на теорию познания. Однако в каждом конкретном случае используются лишь отдельные аспекты знания – и надо выявить, какие именно. Так, для обоснования классической логики достаточно понятия истины как соответствия утверждений положениям дел. При этом отвлекаются от многих, важных самих по себе, аспектов знания. Более

того, чтобы выполнить свою задачу обоснования той или иной системы логических способов рассуждения, логическая семантика строится на основе очень сильных идеализаций. Выявить эти идеализации, указать границы правомерности их использования — одна из основных задач исследования природы логического знания, а попытка учесть в логике все более глубокие теоретико-познавательные характеристики истины приводят к появлению новых логических систем.

Смирнова выделяет два типа теоретико-познавательных предпосылок, от которых зависит тип логики: предпосылки онтологического характера (налагаемые на объекты универсума рассмотрения) и предпосылки, связанные с концептуальным аппаратом познающего субъекта: с принимаемыми понятиями истинности, ложности, суждения, отрицания и т.д. Именно с предпосылками второго рода, считает Смирнова, связано включение в логику, в обоснование логических систем, субъекта познания (25, с.270). Учет в семантике определенных характеристик познающего субъекта «вовсе не означает, как это иногда полагают, возврата к эмпиризму, психологизму в логике» (25, с.12–13).

Э.Гуссерль противопоставил эмпирическому истолкованию логических связей не их нормативный характер, а то, что они носят невременной, непричинный характер. Он подчеркивал идеальность этих связей. С точки зрения Смирновой, подход Гуссерля не позволяет выявить отношение идеальных связей к теоретико-познавательным предпосылкам логики.

В качестве альтернативы «психологизму» выдвигалось конвенциональное истолкование законов логики. В этом случае природа логических законов определяется соглашениями об употреблении терминов языка (логических констант). Крайняя форма этого направления нашла выражение в логическом позитивизме (Р.Карнап). «Однако логическое знание не есть знание, относящееся лишь к языку» (25, с.219).

Еще одной альтернативой «эмпиризму» выступает тезис, согласно которому логические связи первичны и не нуждаются в обосновании. Такое понимание присуще логицизму и Канту (хотя по разным основаниям).

С точки зрения Смирновой, большое значение приобретает вопрос о философских основаниях символической логики. Известны два способа построения логических систем. Первый способ состоит в том, что в рамках некоторого формализованного языка задается формальное исчисление. Вопрос об адекватной интерпретации построенного формализма является вторичным. Второй способ состоит в задании точных

семантических правил приписывания значения различным типам выражений языка и определения на этой основе понятий закона теории и логического следования. Лишь после этого может быть поставлена проблема формализации данных понятий. Второй способ, с точки зрения Е.Д.Смирновой, считается предпочтительнее, поскольку он дает возможность показать в явном виде зависимость системы дедуктивной логики от принимаемой семантики. Кроме того, правила логической дедукции в этом случае не выступают как нечто данное, исходное, а обосновываются семантикой языка (25, с.43).

Именно относительно интерпретированных логических систем может ставиться вопрос об их философских основаниях. Он состоит в выяснении предпосылок нелогического характера, которые влияют на принятие той или иной системы рассуждений. С точки зрения Смирновой, следует различать два типа теоретико-познавательных предпосылок, от которых зависят различные системы логики: 1) предпосылки, связанные с концептуальным аппаратом познающего субъекта (с принимаемыми понятиями истинности, ложности, логического следования, суждения, отрицания и т.д.); 2) предпосылки онтологического характера, налагаемые на объекты универсума рассмотрения.

Смирнова подчеркивает, что предпосылки такого рода не ведут к психологизму. Включение в логику субъекта познавательной деятельности следует понимать как зависимость тех или иных логических систем от концептуального аппарата познающего субъекта.

Понятие истинности является центральным в логической семантике. «Суть дела заключается в особом (принципиально отличном ото всех остальных дисциплин) отношении логики к понятию истинности <...> В логике анализ понятия истинности включается собственно в ее предмет» (2, с.220). Какова бы ни была структура допускаемых способов рассуждения, в логике к ним предъявляется одно обязательное требование: истинность заключения зависит от истинности посылок. В зависимости от того, каким условиям отвечает принимаемое в семантике понятие истины, находят свое оправдание и обоснование те или иные правила логики.

Нормативный характер логических законов также определяется объективной зависимостью истинности одних высказываний от истинности других.

Проблема предметности в логике

Другая проблема, связанная с проблемой обоснования логики, является проблемой предметности, т.е. проблема отношения логики к действительности. Е.Д.Смирнова рассматривает эту проблему на примерах «воображаемой логики» Н.А.Васильева, интенциональных контекстов.

Традиционная, классическая логика создавала впечатление, что ее законы не зависят от объектов рассуждения. Именно Кант ввел определение «формальная» для традиционной логики, полагая, что «общая логика открывает только форму мышления, но не материю. Она отвлекается от всякого содержания познания» (цит. по: 25, с.223). Однако постепенно формировалось представление о зависимости логических законов от характера объектов рассмотрения. Так, к идее этой зависимости приходит в начале XX в. русский логик Н.А.Васильев. Согласно его точке зрения, «мы можем мыслить другие миры, чем наш, в котором некоторые логические законы будут иными, чем в нашей логике» (цит. по: 25, с.224).

Рассматривая вопрос о статусе логических законов, Васильев различает те из них, которые обращены к миру, к объектам (например, закон противоречия, закон исключенного третьего) и некоторые металогические принципы (он их называет законами металогики), которые связаны с нашими понятиями вывода, истинности и т.д. Логические принципы не могут быть отброшены, они присущи любому логическому мышлению, независимо от характера объектов познания, т.е. они универсальны. Например, «суждение не может быть одновременно истинным и ложным». Это, по Васильеву, — закон абсолютного разграничения истины и лжи. «Без этого закона невозможна никакая логика <...> Тот, кто перестал бы различать истину от лжи, тот перестал бы мыслить логически» (цит. по: 25, с.225). Этот принцип не следует смешивать с законом противоречия.

С точки зрения Смирновой, логические принципы так же изменчивы, как и законы, связанные с универсумом. Пересмотр понятий истины и лжи и отношений между ними приводит к нестандартным семантикам и обуславливает особые способы рассуждения.

На примере интенциональных контекстов Смирнова рассматривает вопрос о введении особой «онтологии» в семантику, в мир языка логики. Речь идет не об онтологии реального мира, а о конструировании нами «платоновских сущностей» и обосновании их введения в семантику.

Интенциональные контексты (например, эпистемические «знаю, что...», модальные «необходимо, что...») отличаются, прежде всего, типом сущностей, сопоставляемых им в семантике. Так, при подходе Д.Скотта, одноместным пропозициональным операторам приписывают-

ся функции, сопоставляющие пропозициональным концептам пропозициональные концепты. При подходе Р.Монтегю — отношения между мирами (объектами из W) и семействами миров, т.е. подмножества множества своеобразных пар вида $\langle W, S \rangle$, где S — семейство миров. С точки зрения Е.Д.Смирновой, мирам сопоставляются семейства пропозициональных концептов. Таким образом, анализ интенциональных контекстов предполагает своеобразную «онтологию». «Именно введение особого рода сущностей, сопоставляемых в семантике интенциональным функторам, диктует иной способ связи этих функторов с аргументами, иную логическую структуру этих контекстов» (24, с.227).

Фон Вригт считает, что Кант был первым, кто потребил термин «формальная» по отношению к аристотелевской и схоластической логикам. Логика изучает структурные аспекты рассуждений. Она дает правила корректности перехода от посылок к заключениям, но не правила истинности самих посылок и заключений. Это придает логике ее формальный характер. «Именно это имели в виду Кант и Гегель, когда жаловались на “пустоту” предмета и отсутствие содержаний» (6, с.82).

Проблема универсальности логики

Спор о том, сколько существует логик — одна или много, ведется со времени Лейбница. С одной стороны, универсальность законов логики считалась очевидной, она базировалась на представлении о неизменности форм мышления, в конечном счете, самого мышления.

XX век отбросил эти предпосылки. Этот факт имеет в определенном смысле «революционное» значение для развития современной логики, поскольку влечет радикальные следствия.

Во-первых, речь идет о множественности логик (логических систем). В связи с этим встает вопрос о критериях принятия той или иной системы. Лежат ли эти критерии в самой логике, или в философии, или в конкретной области применения логики?

Одним из подходов к решению этого вопроса, является семантический подход (Е.Д.Смирнова). Согласно этому подходу, логические системы имеют онтологические и гносеологические предпосылки.

Смирнова утверждает, что «логические фигуры умозаключений, хотя и не зависят от конкретного содержания понятий, возникающих в той или иной области знания, но зависят от концептуального аппарата в целом, от принимаемого типа абстракций, от идеальных образов, допускаемых в теории» (25, с.214).

Типы логических систем определяются, с точки зрения Смирновой, способом анализа логической формы.

Логические законы не являются прямыми «зеркальными» отражениями отношений вещей. Их выявление предполагает определенную систему категориального анализа в логике, выделения той или иной системы семантических категорий. «А принятие той или иной системы семантических категорий коррелятивно принятию определенной системы анализа мира и тем самым принятию определенных онтологических предпосылок» (26, с.214).

Е.А.Сидоренко решает проблемы семантики релевантной логики, также отбрасывая тезис универсальности логики. «Блестящая идея Лейбница, что логические и математические истины являются истинами во всех возможных мирах, нашла широкое и плодотворное применение в логической семантике. Содержательный смысл этой идеи состоит в том, что указанные истины не зависят от конкретных фактических состояний мира, от конкретного положения дел. И вот я отказываюсь здесь от этой лейбницевской предпосылки и обсуждаю некоторые методологические и философские вопросы в связи с построением логической семантики, которая исходит из того, что никаких беспредпосылочных универсальных истин, математических и логических в том числе, не существует» (22, с.252).

На допущение многообразия логических систем существенно опирается Е.Г.Драгалина-Черная в построении формальных онтологий. «Революцией в логике XX века стало преодоление идеи ее уникальности и универсальности, допущение многообразия логических систем. Следствием этой революции должна явиться трансформация трансцендентального проекта формальной онтологии в программу построения формальных онтологий и формирование на ее основе новой исследовательской парадигмы – формальной метаонтологии как сравнительного исследования классов формальных онтологий» (12, с.4).

И тем не менее тезис об универсальности логики находит своих защитников. С точки зрения Х.Весселя, разнообразие исчислений в логике не означает, что имеющиеся или возможные логические исчисления равноправны и что логические правила должны избираться произвольно и вообще не обосновываться. Задачей логики является разработка универсально применимых систем логических правил. «Принцип универсальности – нормативное требование: следует стремиться к единству науки логики и оберегать это единство, так как только единая логика

может, кроме всего прочего, найти полезное применение на практике» (5, с.107).

Интуиционистская логика является наиболее важным примером, на основе которого встает вопрос о множественности логик. На этом примере Вессель и заостряет свое внимание. С его точки зрения, против интуиционистской концепции логики можно выдвинуть ряд возражений. Во-первых, большинство интуиционистов проводят резкую грань между мышлением и языком. Но такая философски дуалистическая позиция несостоятельна. Во-вторых, интуиционисты утверждают, что действительность системы логических правил зависит от области, о которой идет речь, т.е. отрицают универсальную применимость логических правил. Третье возражение касается связи логики и математики. Интуиционисты рассматривают логику как подотрасль математики, а не как предшествующую ей область. По их мнению, основополагающие математические понятия проще, чем логические. Но здесь явный круг в рассуждении. Вессель отмечает, что наиболее интересными работами об истолковании интуиционистской логики были как раз те, в которых просматривалось стремление к единству логики. Это работа А.И.Колмогорова, показавшая, что классическая математика переводима в интуиционистскую, из чего следовало, что классическая математика интуиционистически непротиворечива. К.Гёдель создал исчисление доказуемости, которое является расширением классической логики и в котором доказуемы все переводы соответствующих теорем интуиционистской логики.

Вессель строит систему логики, в которой проводит различие между внутренним и внешним отрицанием. «Поскольку интуиционисты не проводят различия между внутренним и внешним отрицанием, они отвергают также закон исключенного третьего и другие тавтологии классической логики высказываний. В результате они получают систему логики, в корне отличающуюся от классической логики, с иными операторами, чем в классической логике, в частности с другим отрицанием, представляющим собой смешение внутреннего и внешнего отрицания» (5, с.113).

В поддержку точки зрения Весселя можно привести пример создания многозначных логик. До тех пор, пока эти логики рассматривались как противоречащие классической логике, особых результатов не получалось. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда эти логики стали строить как расширения классической. Правда, эти примеры говорят скорее о возможном единстве логики, без ее универсальности.

Логика как феномен культуры

Отмечая возвышение логики в XX веке, естественно поставить вопрос: почему происходит выдвижение на первые роли той или иной философской дисциплины? С точки зрения фон Вригта, «это обычно связано с какими-то другими характерными чертами культурного облика времени» (6, с.82). По его мнению, в истории логики были три подъема.

Первый взлет логики происходил в условиях завершения периода софистики. Фон Вригт положительно оценивает этот период (была оценена сила языка, роль аргументации (в судах, на рынке и т.д.) Сократическая философия – это было также время попыток систематизации знания.

Средние века дали высокий уровень концептуального анализа.

Основанием для взлета логики в XX веке послужило, с точки зрения фон Вригта, развитие самой логики: теории вывода и концептуального анализа. «Остается фактом, что тесный альянс этих двух аспектов придал философии нашего века ее сильную логическую окраску» (6, с.82).

Б.С.Грязнов был одним из первых в отечественной философии, кто поднял вопрос о месте логики в системе культуры (9). Он, на мой взгляд, блестяще доказал, что силлогистика Аристотеля была инициирована не столько математикой, сколько ораторским искусством, которое выполняло функции политологического воздействия на афинских граждан (IV век до н.э.) и, следовательно, становилось средством принятия политических решений. Им рассматривались такие вопросы, как соотношение доказательности и убедительности, понимания и рациональности, философии науки и искусства. Поднятые Грязновым вопросы развиваются в работах отечественных логиков применительно к современной культуре (1, 2, 4, 10–12).

Вопрос о роли логики в культуре тесно связан с судьбой рационализма. Новые тенденции в философии и логике поставили проблему сохранения рациональности в качестве общезначимой проблемы, что видится на совершенно различных основаниях: от сохранения влияния логики на стандарты рациональности до ослабления самих стандартов рациональности.

Почему столь остро стоит проблема сохранения влияния логики на стандарты рациональности? По мнению Брюшинкина, эта проблема возникла в результате нарушения традиционной связи логики и мышления. «В борьбе за объективное обоснование логики лидеры антипсихоло-

гизма разрушили традиционную связь логики и мышления, а тем самым подорвали влияние логики на стандарты рациональности в обществе» (3, с.85). Восстановление этой связи он видит в программе метапсихологизма и требует тщательного анализа соотношения современной логики и мышления как естественного психического процесса человека.

Другой путь сохранения рациональности более характерен для западной философии. Так, С.Тулмин отстаивает идею изменчивости самих стандартов рациональности, их зависимости от исторических и культурных, а также практических контекстов. Какими понятиями человек пользуется, какие стандарты рационального суждения он признает, как он организует свою жизнь и интерпретирует свой опыт – все это, оказывается, зависит не от свойств универсальной «человеческой природы», не от одной только интуитивной самоочевидности основных человеческих идей, но и от того, когда человеку пришлось родиться и где ему довелось жить. Тулмин отрицает универсальную применимость формальных методов Фреге к любой области исследования, в любой культуре, в любое историческое время.

С точки зрения М.Натурно, идея возможности объективного достоверного знания в XX веке была дискредитирована. Как утверждали постпозитивисты, наши, казалось бы, хорошо обоснованные теории не только подвержены ошибкам, но и могут оказаться ложными. Поэтому сегодня для рационалиста проблема состоит не в том, чтобы объяснить, как мы можем иметь объективное достоверное знание, а в том, чтобы показать, как подверженное ошибкам эмпирическое знание, которое не может быть обосновано и/или оправдано опытом и/или разумом, тем не менее, остается рациональным.

Натурно предлагает развести достоверность и рациональность, ибо рациональность, по его мнению, не связана ни с достоверностью знания, ни с его обоснованием. Эта связь и была основным заблуждением психологизма, которое разделяли и антипсихологисты. Тот, кто продолжает утверждать, что мы обосновываем наше знание, рассматривая его как рациональное, вынужден ослабить свои понятия истины и обоснованности. «Сегодня многие философы приравнивают обоснование и даже саму истину к консенсусу мнений (или, по крайней мере, к консенсусу мнений специалистов). И, поступая так, они обычно принимают некоторую форму психологизма» (47, с.110).

С точки зрения Натурно, быть рационалистом означает следующее: знать нашу подверженность ошибкам, что мнения других могут быть истинными, пытаться разрешить наши разногласия с помощью ра-

зума, а не силы, принять на себя ответственность делать суждения, признавать истину в качестве регулятивного идеала при рассуждениях, признавать закон противоречия в качестве критерия ложности, а дедуктивную логику — в качестве нашего средства критики (47, с.116). Выдвинутые Натурно принципы выглядят скорее как кодекс чести, кодекс поведения в современном мире не только для ученого, но и любого человека, чем как принципы философского рационализма.

Другая проблема, которая сегодня привлекает внимание логиков, это проблема использования логики в обыденной жизни, политике и бизнесе, в суде и школе. Победа антипсихологизма в логике способствовала не только теоретизации логики, но и созданию ее формализованного образа, далекого от практики большинства людей. «Понятие о логике замыкается на представлении: логика для логики и логиков» (8, с.85). Действительно высокая теоретичность современной логики, особенно ее аксиоматизированный вариант, дает хорошие результаты в решении целого ряда конкретных задач в математике, технике и даже философии. В то же время она вызывает большие трудности в анализе естественных рассуждений, в среде бизнеса, политики, юридической практики и т.д. С одной стороны, применение современного логического аппарата требует от обычного человека больших познаний в логике. С другой стороны, аппарат современной формальной логики малоэффективен в этих областях. Преподавание логики для специалистов гуманитарных наук обычно вызывает большие сложности.

Новое направление в логике, возникшее в США и получившее название «неформальная логика», пытается учесть практическую сторону. Суть ее состоит в том, что она ориентируется на критику естественных рассуждений (с учетом норм правильного мышления). И.Н.Грифцова (8) подчеркивает, что для логики с самого начала ее существования была характерна эта двойственность: быть теоретической и практической дисциплиной одновременно. Проблема применимости того, что было сделано в логике в качестве теоретической дисциплины, сегодня выходит на первый план.

Итак, место логики в современной культуре будет определяться ее способностью принять участие в исследовании обыденного языка, практических рассуждений и мышления, ее готовностью влиять на уровень рациональности общества, в философии, особенно в теории познания и методологии науки, на практические требования жизни обычных людей.

Представление о логике как элементе культуры позволяет, с точки зрения Г.В.Сориной, посмотреть на спор между психологизмом и анти-

психологизмом в широком культурно-историческом аспекте. Этот спор присутствует в логике, начиная с Нового времени, то затухая, то возрождаясь вновь, представляя собой некое циклическое явление. Сорина показывает, что спор этот захватывает наряду с логикой многие дисциплины, самые разные пласты гуманитарной науки. При этом спор между психологизмом и антипсихологизмом в логике оставался образцом для реконструкции вариантов подобных споров в других областях знания. Так, психологизм Милля, отталкиваясь от идей Локка, формируется под влиянием английских психологов-ассоцианистов – Д.Гартли и Д.Пристли. Но принципы ассоциативной психологии в последующем психологизме будут проводиться в эстетике, литературоведении, лингвистике, истории и других гуманитарных науках. Этому будет способствовать развитие традиций психологизма в логике и методологии научного познания. Для всех них «система логики Милля, – пишет Сорина, – приобретает образцовый характер» (31, с.72).

Проблема соотношения психологизма и антипсихологизма прослеживается как сквозная проблема, характеризующая разные пласты гуманитарной культуры. Для исследования этой ситуации Сорина вводит новую единицу методологического анализа – логико-культурную доминанту (ЛКД). «О существовании ЛКД в культуре можно говорить только в том случае, если зафиксированная в каком-то пласте культуры проблема, характеризующая интеллектуальные особенности этого пласта культуры, может быть выявлена в иных пластах культуры, а затем – в других эпохах» (30, с.7).

Антитеза «психологизм – антипсихологизм» является одной из главных ЛКД, во многом определившей облик всей культуры XX века. «Она является не единственной, не той, к которой можно свести все другие, но именно одной из существенных» (31, с.64). Так, спор между психологизмом и антипсихологизмом кроме логики (где он представлен в концентрированном виде) присутствует также в гуссерлевской феноменологии, в программных установках неопозитивизма, в методологической концепции Поппера, в философской концепции Витгенштейна, в исходных положениях семиотики, в лингвистической теории Соссюра, в теории полифонии и диалогизма Бахтина, в психологии искусства Выгодского. Роль этих концепций в культуре XX века очевидна.

Подводя итоги дискуссии, следует отметить, что совершенно оправданы опасения антипсихологистов в снижении уровня логических исследований из-за пересмотра критериев научности, в связи с введением конкретного субъекта познания в исследование, с релятивизацией

истины и других «психологических» элементов в современную эпистемологию и логику. В то же время развитие логики в XX веке показывает, что высокие рубежи ее теоретичности не только не сдавались, но, напротив, укреплялись. На мой взгляд, новые задачи, которые предъявляются логике сегодня, будут решены без пересмотра ее природы. Никто из представленных в обзоре авторов не отрицает теоретического характера логики и не стремится вернуть логику на психологические основания. Никто не отрицает плодотворности введения в философию и логику познающего субъекта — его установок, концептуального аппарата, способности суждения и т.д. Спор, на мой взгляд, идет о том, как и какими логическими средствами представить познающего субъекта в логике и философии. На сегодняшний день логики расходятся во мнении, считать ли введение субъекта в логику психологизмом или нет. Очевидно, что эти споры принадлежат начальному этапу решения поставленных перед логикой проблем.

Часть 2 ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА

Под философской логикой понимается исключительно широкая область логических исследований, требующая философского осмысления основных понятий, применяемых в современной логике, и результатов, полученных средствами символической логики, а также применение логики, в основном технического аппарата неклассических логик, к анализу и реконструкции философских проблем. Иногда выделяют и логическую философию. Под логической философией понимается использование логики в философских исследованиях (17, с.5).

В данном обзоре мы останавливаемся на двух вопросах: роли логики в построении онтологической картины мира и в решении проблем эпистемологии.

Роль логики в построении онтологической картины мира

Отношения логики и онтологии проблематичны в нескольких аспектах. С одной стороны, онтология предполагает логику, поскольку теории субстанции, мышления и тому подобные должны иметь логическую структуру. С другой стороны, логика предполагает онтологию. Акцент делается на том, что необходимо предположить, по крайней мере, такие понятия, как объект, свойство, существование и т.д. Следует от-

метить, что эта вторая сторона взаимоотношений логики и онтологии в западной философии признается далеко не всеми.

Конструирование картины мира не является результатом непосредственного познания мира. Мы смотрим на мир через определенную «логическую сетку», т.е. выбор той или иной логики определяет нашу картину мира. Эта ситуация иллюстрируется Е.Д.Смирновой анализом «*Логико-философского трактата*» Л.Витгенштейна. «Без понимания роли логики в формировании онтологической картины мира невозможно войти в философию «*Трактата*» Витгенштейна» (26, с.45).

В «*Трактате*» можно выделить две линии исследований, тесно связанных между собой. Одна линия направлена на построение «картины мира». Другая – на выявление границ познания и мышления.

Первая линия связана с вопросами. Почему мир – это совокупность фактов, а не вещей? Каков характер этих фактов? Смирнова отмечает, что витгенштейновский мир не имеет ничего общего с расселовской концепцией атомарных фактов. Иногда идеи Витгенштейна связывают с логическим позитивизмом. Но, с точки зрения Смирновой, «атомарные факты» – это не эмпирические данные (как у логических позитивистов), а «конструкции, которые «проецируются» логической структурой атомарных предложений, способом прочтения пропозиционального знака» (26, с.45).

Проблема возможности и границ познания и мышления рассматривается через призму логики языка. Каким образом язык может определять мир? В каком смысле субъект есть «граница мира»? Каковы границы «моего мира»? Чем определяется эта граница?

С точки зрения Смирновой, цель Витгенштейна состоит не в разработке философии языка, а в том, чтобы «выявить метод конструирования модели мира через исследование формальных, логических свойств языка. В конечном счете, это оказывается вопросом пересмотра общей концепции логики» (26, с.45)

У Витгенштейна речь идет об «идеальном» (идеализированном) языке, т.е. о языке, который моделирует общие принципы и структуры любого реального языка. Поэтому Витгенштейн говорит о единственном языке, «который я понимаю». Эти принципы определяются в конечном счете логикой. По Витгенштейну, «нелогичный мир» мы просто не можем мыслить, как не можем увидеть то, что лежит вне поля зрения глаз, включая и сам глаз. Именно поэтому логические структуры не могут быть описаны в языке. Поскольку в языке можно представить только

мир, отвечающий законам логики, постольку границы языка и очерчивают границы мира, границы возможного в мире.

Каждая научная теория (например, классическая физика) дает определенную сетку описания, свое «видение» мира. Логика, в отличие от научной теории, задает общую сетку описания мира, «строительные леса» мира. В этом смысле логика не теория, а отображение мира, или, в терминах Витгенштейна, «логика трансцендентальна».

Принципиально важным является вопрос о единственности логической сетки. С точки зрения Смирновой, в принципе возможны различные логические сетки («строительные леса»), определяющие различные онтологии, связанные с ними. Тогда встает вопрос о предпосылках принятия логической сетки. Сам Витгенштейн этого вопроса не ставил.

За «строительными лесами» Витгенштейна, с точки зрения Смирновой, встает необычная картина мира: в ней нет вещей, свойств и отношений. «Она скорее похожа на «топологическую» картину в пространстве возможностей» (26, с.47). Существенно меняется и трактовка образа отображения. Речь идет не о «сходстве» образа и отображения, а о конструировании согласно правилу. Образ понимается как модель.

В целом «разработка логики не только как теории рассуждений, но и как “строительных лесов мира”, как основы познавательных сеток — одно из интереснейших и перспективнейших, — считает Смирнова, направлений, к которому подошла современная логика на рубеже веков» (26, с.48).

Роль логики в решении эпистемологических проблем

Связь логики и эпистемологии также является двусторонней. Я.Хинтикка (36) ввел понятия «эпистемология логики» и «логика эпистемологии». Примером первой для него служит проблема построения семантики для синтаксических систем модальной логики, поскольку такое построение возможно, только исходя из предпосылок нашей концептуальной системы.

Под «логикой эпистемологии» Хинтикка имеет в виду область исследований, связанных с проблематикой «искусственного интеллекта» и компьютерными науками. Необходимость выделения этой области связана для него также с ограничением применения семантики «возможных миров», поскольку большинство интересных проблем и решений основывается на рассмотрении модельно-теоретической (семантической) ситуации. Здесь открывается совершенно новая область исследования,

связанного с проблемой репрезентации знания и рассуждений о знании. Один из путей моделирования процесса получения знания состоит в концептуализации его как серии вопросов со стороны Исследователя к источнику информации – Природе. Это предполагает развитие теоретико-игрового подхода в семантике, логики вопросов.

Современная логика очень чутко реагирует на изменения, происходящие в области эпистемологии. Отсюда возрастает ее роль в рассмотрении проблем эпистемологических проблем нашего времени. Для оценки их специфики В.А.Лекторский предложил термин «неклассическая теория познания» (13). С его точки зрения, неклассическая теория познания начала складываться в последние десятилетия XX века и характеризуется следующими чертами. Прежде всего, речь идет об отношении к традиции, представленной Декартом и Кантом и отражающей классический тип теории познания. Должна ли эта традиция быть отброшена полностью? На этом, в частности, настаивали Л.Витгенштейн, М.Хайдеггер, сегодня настаивают на этом Ю.Деррида и Р.Рорти. Или традиция должна сохраниться, но в некотором переосмысленном виде, дополненная новыми идеями. С точки зрения Лекторского, основная черта все-таки может быть названа как «посткритицизм». Это не означает отказа от философского критицизма (без которого нет самой философии), а «только лишь понимание того фундаментального факта, что познание не можем начать с нуля, на основе недоверия ко всем традициям, а предполагает вписанность познающего индивида в одну из них» (13, с.110). Речь идет не о слепом доверии, а только о том, что всякая критика предполагает некую точку опоры, принятие чего-то, что не критикуемо в данное время и в данном контексте (это может стать объектом критики в другое время и в ином контексте). Л.А.Микешина видит здесь проблему синтеза различных когнитивных практик. «Мысль о синтезе когнитивных практик —здесь практика употребляется в широком смысле как греческое *praxis* — это скорее проблема, нежели категорическое утверждение» (18, с.50). Такими наиболее значимыми сегодня практиками являются, с точки зрения Микешиной, герменевтическая и феноменологическая, которые учитывают опыт гуманитарных наук.

Пожалуй, главное отличие неклассической теории познания состоит в том, что она обращается не к абстракции субъекта, а к целостному познающему человеку. Если для классической теории познания субъект выступал как некая непосредственная данность, а все остальное вызывало сомнение, то для современной теории познания проблема состоит в том, чтобы объяснить происхождение индивидуального созна-

ния, исходя из межсубъектной деятельности, включая коммуникацию (тезис отказа от субъектоцентризма, в терминологии Лекторского).

Стремление восстановить в правах эмпирического субъекта, отмечает Микешина, ставит проблему доверия ему. Действительно, исключение субъекта из практики познания обычно мотивируется его способностью впасть в заблуждения. Сегодня эта способность не является главной в оценке познающего субъекта. Важнее оказываются его способности, «реализующие активное взаимодействие с миром, а также смыслополагание и конструирование, создающие новое знание» (18, с.17).

Следующая черта неклассической теории познания – это отказ от принципа фундаментализма. В классическом типе познания огромные усилия были направлены на поиск такого фундамента всех наших знаний, относительно которого не возникает никаких сомнений. Поиск основания знаний был направлен на выявление тех знаний, соответствие которым может служить нормой. Отсюда разделение знания на то, которое фактически имеет место, и то, которое должно иметь место (то, что соответствует норме). Обоснованным считалось, с одной стороны, то знание, которое в максимальной степени соответствует данным чувственного опыта (эмпиризм). С другой стороны, рационализм в качестве знания рассматривал только то, что вписывается либо в систему «врожденных идей» (Декарт, Спиноза), либо в систему априорных категорий и схем разума (Гегель, неокантианцы). Кант занимал в этом споре третью позицию (дуализм).

Для классической теории познания характерна борьба между психологистами и антипсихологистами. Для первых норма коренится в самом эмпирически данном сознании. Для последних нормы имеют всеобщий и необходимый характер, поэтому их источник следует искать в другой сфере, но сами нормы остаются неизменными во времени. Отказ от фундаментализма связан с обнаружением изменчивости норм. Попытки отделить знание от незнания с помощью точных предписаний, предпринятые в XX веке, оказались несостоятельными. В этой ситуации ряд философов говорит об отказе от теории познания. Но большинство считает возможным дать новое понимание этой дисциплины.

Следующей основной чертой современной теории познания является ее культурологический характер. Теория познания приобрела классический вид в связи с возникновением науки Нового времени. Поэтому большинство теоретико-познавательных систем исходило из того, что именно научное знание, как оно представлено в математическом естест-

вознании, является высшим типом знания, а то, что говорит наука о мире, то и существует на самом деле. Сегодня признается, что, хотя наука является важнейшим, но далеко не единственным способом познания мира. И искусство, и религия, и сама жизнь выступают способами познания мира.

Эмпирический субъект не может ограничиться рассудочными нормами познавательных процедур. Даже в строго научном знании он, явно или неявно, опирается на эмпирические суждения, принятые на веру. Сегодня необходимо пересмотреть оценки веры. Не только сомнение, но и вера является источником знания. Позитивная оценка веры возникает в том случае, если мы признаем законным право эмоциональной и экзистенциальной сфер участвовать в когнитивных процедурах.

Таким образом, самая общая характеристика современной теории познания, на первый взгляд, должна вести к представлению об ограниченной роли математической логики в ней. Но это верно только в том плане, что логика (и более широко, наука, рациональность), действительно, не может претендовать на исключительную роль в познании. Тем не менее связь новой логики с современной эпистемологией только усилилась. Как показал В.А.Смирнов (14), расширение сферы логического (построение модальных, временных, релевантных, паранепротиворечивых и интенциональных логик) приводит к необходимости учитывать все более тонкие гносеологические характеристики.

Для модальных и временных логик построены семантики «возможных миров». В них «возможный мир», в том числе и действительный, рассматривается не изолированно, а в их отношениях к другим мирам, что дало возможность построить понятие истинности для этого рода логических систем. В результате семантика «возможных миров» предоставила средства для учета в логике идеи познания как процесса и идеи конкретности истины. Учесть конкретность истины позволяет окрестностная семантика Монтегю (одна из форм семантики «возможных миров»). Вводится понятие истинности для овремененных утверждений, содержащих ссылки на лиц, обстоятельства, и т.д., выражающих конкретные условия. Эти условия могут носить различный характер, как объективный, так и субъективный (прагматический).

Принцип объективности означает, что знание истинно, если оно соответствует действительности. Но степень соответствия знания действительности может быть различной: от грубого описания до более глубокого. Сравнение знания может осуществляться на уровне сравнения одних утверждений с другими, одних теорий – с другими, на уровне язы-

ков, и, наконец, на уровне категориальной системы. Е.Д.Смирнова считает, что вопрос о степени соответствия есть вопрос об относительности истинности. И что вопрос об относительности истинности нельзя сводить к вопросу об аппроксимативности знания (этот вопрос решается на уровне сравнения утверждений), и даже к вопросу об отношении между теориями, где относительность знания трансформируется в принцип соответствия и рассмотрение предельного перехода от одной теории — к другой. Во всей глубине — это вопрос сравнения различных типов языков и категориальных систем.

Семантика «возможных миров» является стандартной, поскольку она основана на теории множеств. Но в логике разработаны семантики другого типа, свободные от сильных теоретико-множественных идеализаций. Они позволяют учесть такие факторы, как рост знания, конкретность истины, без введения дополнительных факторов.

Идея активности познающего субъекта нашла свою реализацию в теоретико-игровых семантиках. В.А.Смирнов выделяет два направления в разработке таких семантик. Одно из них связано с оперативной семантикой П.Лоренца, другое направление с теоретико-игровой семантикой Я.Хинтикки. Лоренц рассматривает процесс установления истинности предложения как некоторую игру между оппонентом и пропонентом. Технически оперативная семантика Лоренца, отмечает Смирнов, во многом подобна семантическим таблицам Бета, но идейно учитывается диалогический характер участников «игры» и тем самым в какой-то степени социальный характер познания.

Я.Хинтикка рассматривает процесс познания как игру, но в смысле математической теории игр — между «природой» и «субъектом».

Одной из важных проблем в современной теории познания является проблема объекта познания. Согласно классическому подходу, объект понимается как нечто тождественное самому себе. Изменения объекта связаны только со сменой свойств и отношений с другими объектами. Познающий субъект имеет дело с объектом как с чем-то данным. Он может контролировать условия, в которых изучается объект.

При конструктивном подходе объектами изучения являются конструктивные, финитные объекты (например, линейные последовательности элементов некоторого алфавита). Познание рассматривается как результат деятельности субъекта с объектом. Смирнов подчеркивает, что сами по себе эти объекты не изменяются. Таким образом, при конструктивном подходе активность исследователя учитывается более серьезным образом, нежели при теоретико-игровом подходе. С

точки зрения Смирнова, перспективным представляется сочетание конструктивного и теоретико-игрового подходов, поскольку в этом случае теоретико-игровой подход должен работать уже на уровне истолкования и истинностной оценки атомарных предложений. А это означало бы, что исследователь имеет дело не только с результатом познавательной деятельности, но и с самими объектами.

Как отмечалось, для современной теории познания большое значение имеет раскрытие норм в познании. Диалогичность субъекта выражается в процессе вопрошания. Но мы видим, что и в логике начато изучение норм, вопросов, императивов и т.д. С точки зрения Смирнова, эти исследования часто не учитывают специфики указанных актов мышления, и их модели необоснованно сближаются с суждениями. (14, с.308).

Из приведенных примеров видно, что логика чутко реагирует на изменения в эпистемологии.

Часть 3 АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА

Аналитическая философия является философским направлением, которое наиболее тесно связано с логикой. Но сегодня господствует мнение, что логика перестала играть приоритетную, важную роль в ней. Что она вытесняется другими методами — лингвистическими, феноменологическими герменевтическими, трансцендентальными и т.д. Так ли это?

Уже в 70-е годы XX века отмечалось, что одной из существенных черт в развитии аналитической философии является снижение в ней влияния логики. Для этого мнения были весьма серьезные основания. Действительно, программа формализации научного знания после результатов Геделя считается невыполнимой. Фон Вригт называет время после 1932 г. временем «разочарования». Кроме того, анализ дискуссий в аналитической философии тех лет демонстрирует тенденцию переключения внимания аналитических философов на лингвистический анализ, на трансцендентальную аргументацию, на метафизическую проблематику. Эту тенденцию подчеркивало сближение аналитической философии с континентальной, которая и сегодня характеризуется ориентацией на историчность, на ценностный подход, на персоналистичность и субъективность.

Однако изменения в логике, приведшие к радикальному расширению ее области, а также области практического применения, не могли не

отразиться на взаимосвязи логики и аналитической философии. С моей точки зрения, роль логики в аналитической философии остается значительной, и даже существенной. И здесь речь должна идти об изменении характера связи логики и аналитической философии.

Логика и метафизика

Аналитическая философия в своем развитии прошла несколько этапов, и каждый из них характеризовался особым характером отношений логики и философии.

Но, прежде чем говорить об этапах, имеет смысл сказать несколько слов и о восприятии ее как в европейской, так и в нашей отечественной философии.

Термин «аналитическая философия» получил распространение после Второй мировой войны. Но это не было новым направлением, ее «начала» лежат на рубеже XIX—XX веков и связаны с проблемами того времени. Задача современных исследователей состоит в том, чтобы показать связь «начал» с послевоенным развитием аналитической философии. Такая попытка была предпринята, например, в сборнике статей под редакцией Л.Л.Блэкмана с характерным заголовком «*Классики аналитической философии*» (38). В сборнике помещены, с одной стороны, работы Г.Фреге, Б.Рассела, Дж.Мура и других философов (опубликованные в период с 1890 по 1925 г.), оказавших наибольшее влияние на аналитическую философию. Автор называет их «классиками» аналитической философии. С другой стороны, в сборнике помещены дискуссионные статьи, появившиеся после 1950 г. и продолжившие обсуждение тем, которые были выдвинуты классиками. «Моя цель, — пишет Блэкман, — состояла в том, чтобы включить те статьи, которые наиболее тесно связаны с «классиками» по стилю и по содержанию, и которые, следовательно, показывают континуальность ранних и более современных мыслей» (38, с.XI). Единство сборника обеспечивает тематика, в которую включены проблемы универсалий, тождества, объекта, а также проблемы метода анализа и метода построения формализованных языков, т.е. проблемы метафизики и ее исследования.

В нашей литературе пристальное внимание к аналитической философии относится к 80-м годам. Как отметил А.Ф.Грязнов, увлечение постпозитивизмом, «хотя оно и имело своим результатом публикации по западной философии науки, отвлекло нас от аналитической философии (которая, как оказалось, никуда не исчезла) почти на десять лет» (1, с.63).

Так, в «*Философском энциклопедическом словаре*» 1983 г. говорится, что аналитическая философия — это направление философии XX века, «которое сводит философию к анализу употребления языковых средств и выражений, толкуемому как подлинный источник постановки философских проблем <...>. Внутри аналитической философии можно выделить два направления: логического анализа философию, которая в качестве средства анализа применяет аппарат современной математической логики, и лингвистическую философию, отвергающую логическую формализацию как основной метод анализа и занимающуюся исследованием типов употребления выражений в естественном, обыденном языке, в том числе, когда он применяется при формулировке философских понятий» (33, с.23—24). В этом описании аналитической философии еще совершенно не учитываются новые тенденции, и в особенности изменение отношения к онтологическим и эпистемологическим проблемам. Но именно современное развитие аналитической философии позволяет выделить ранний этап ее развития в качестве самостоятельного.

Приняв за основание отношение аналитической философии к метафизике, следует выделить три этапа:

Первый этап — рубеж XIX—XX веков — 30-е годы XX века. В этот период уже шла критика метафизики (в узком смысле этого слова, как философского учения о сверхъестественном мире), наряду с критикой религии. Но внимание к онтологической и эпистемологической проблематике традиционной философии сохранялось. Более того, шел поиск адекватного метода их исследования, который совпадал с «революцией» в логике. Плоды новых идей в логике Б.Рассел реализовал в своей теории логического атомизма.

Большое влияние на формирование раннего неисторического подхода к анализу языка оказали идеи Г.Фреге. Фреге различал мысль и ее выражение. Мысль не зависит от своего выражения, допускает различные выражения. Нет необходимости знать, кто и когда высказал мысль. Другими словами, мысль всегда является объективной, внеисторичной и имперсональной, в то время как ее выражения — субъективны, историчны и личностны. Философию интересует именно объективная мысль, а

не ее выражения. Отсюда задача философа определяется как задача освобождения мысли от субъективности и историчности ее выражения, т.е. задача выявления ее логической структуры. Поскольку в естественном языке логическая структура мысли затемнена, необходимо, по мнению Фреге, воспользоваться методом рациональной реконструкции языка (построения особого формального языка, отражающего логическую структуру).

Метод рациональной реконструкции языка прочно вошел в традицию аналитической философии. Допустить изменяющийся, исторический характер смысла языкового выражения означало бы подвергнуть сомнению фундаментальную природу аналитического исследования, убеждение в том, что подлинной задачей философии является анализ логической структуры языка.

Второй этап охватывает период с 30-х по 50-е годы XX века. Это период становления, расцвета и кризиса неопозитивизма. Ключевым тезисом программы неопозитивизма являлся тезис антиметафизики.

Утверждения метафизики считались не просто ложными, а бессмысленными (т.е. пустыми, не имеющими «точного значения»). Поэтому и не ставилась задача — найти или построить новую метафизику, систему истинных метафизических утверждений о мире. В логическом позитивизме термин «метафизика» получил уничижительное значение. Занятия метафизикой перестали быть престижными. Распространилось представление о профессиональном философе, который в отличие от метафизика владеет аппаратом современной логики, предназначенного для определения «точного значения». Философ, по мнению А.Айера, должен быть ученым, логиком (37).

Логический позитивизм был вдохновлен успехами логики и сам вдохновлял развитие логики. Его трактовка философии как логического анализа языка науки (в первую очередь, математики и физики) была связана с программой антиметафизики (т.е. признанием метафизических и онтологических утверждений псевдоутверждениями, не выполняющими требований логики). К псевдоутверждениям относились также утверждения этики, эстетики, религии и ряда других гуманитарных дисциплин. В данном случае речь может идти о критической функции логики по отношению к философским утверждениям.

Но в логическом позитивизме логика имела и позитивную функцию. Однако она касалась только языка науки. Другое название этого движения — «логический эмпиризм» — более точно отражает позитив-

ную задачу, а именно задачу построения дедуктивно развернутой системы знания на эмпирической основе.

Лидер логического позитивизма — Р.Карнап сводил логику к логическому синтаксису. В свете нашей задачи важно подчеркнуть, что Карнап первоначально отрицал возможность использования семантического анализа именно в силу того, что семантика по своей природе имеет дело с отношением между языком (как знаковой системой) и реальностью. Ситуация изменилась после того, как А.Тарский показал возможность применения синтаксического подхода к семантической проблеме истины. Карнап тогда обратился к исследованию других семантических проблем.

С точки зрения Карнапа, логический синтаксис не связан ни с какой онтологической доктриной. Можно ли то же самое сказать и о логической семантике. Конвенция Тарского (например, «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел) допускает двойственное толкование. Согласно нейтральному прочтению, которое воспроизводит абстрактный семантический образец, она говорит, что предложение объектного языка должно быть истинным, если оно эквивалентно некоторому предложению метаязыка. Но конвенцию можно прочитать и так: предложение является истинным, если существует соответствующее положение дел, описанное предложением. В этом прочтении она рассматривается как центральная установка корреспондентной теории истины (т.е. связана с определенной философской доктриной истины).

Эта двойственность сохраняется и в современной аналитической философии и не только по отношению к трактовке конвенции Тарского, но и, в более широком смысле, ко всей семантике. С моей точки зрения, главная тенденция все-таки связана с формальной трактовкой семантики. Эта тенденция может быть охарактеризована как синтаксизация семантики, а затем и прагматики (работы Монтегю). Эта тенденция распространяется и на проблемы онтологии современной аналитической философии.

Итак, в период господства неопозитивизма позитивизм определял специфическое использование логики для анализа языка. Но связь логики с позитивизмом не является сущностной. Так, выделение в аналитической философии особого направления — философии обыденного языка — было связано с критикой и отрицанием логических методов анализа языка, но сохраняло антиметафизическую установку. Позже, с выделением логики из философии в самостоятельную научную дисциплину, было осознано, что логические методы анализа языка (как научного, так и естественного) являются особым видом анализа языка, и как всякий вид

научной деятельности связан с философией (аналитической или с любой другой).

Третий этап (с 60-х годов XX века и до наших дней) характеризуется возвращением к исследованию метафизической проблематики (трактуемой как онтология) и проблем познания.

В нашу задачу не входит полное описание всех особенностей этого периода (что можно найти в изданиях 27-29, 38, 45, 48, 50, 58). Остановимся только на главной для нашего обзора характеристике.

Процесс возрождения интереса к онтологической проблематике выразался в том, что были признаны осмысленными (и позже имеющими познавательное значение) философские утверждения о мире. Этот процесс затронул прежде всего философию языка. Не менее существенным для судьбы аналитической философии было то следствие, что она вышла за рамки философии языка. Признав онтологию в качестве самостоятельной дисциплины, аналитическая философия вынуждена была решать вопросы соотношения онтологии и языка, онтологии и логики. Процесс возрождения интереса к метафизике (во всех смыслах этого слова) привел к расширению предметной области аналитической философии, которая сегодня охватывает все традиционно философские дисциплины (онтологию, эпистемологию, этику, эстетику, философию религии и т.д.) Наконец, отметим в качестве важного следствия этого процесса обращение аналитических философов к истории философии.

Для развития философии языка большое значение имели идеи Витгенштейна. В первую очередь, это идея о значении языкового выражения как возникающем в процессе его употребления, связанная с ней идея языковой практики, взаимоотношения этой разновидности практики с другими видами практики. Естественно, здесь вставал вопрос о том, что лежит в основе языковой практики. Его обсуждение привело последователей Витгенштейна к постановке вопроса о том, можно ли ограничить задачи философии только проблемами лингвистического анализа. И действительно П.Стросон (55) и другие поставили вопрос о возможности метафизического анализа языка.

Под метафизическим анализом языка понимался анализ системы категорий, особенно важных для понимания (описания, объяснения) мира в целом, для понимания способа мышления целой эпохи. Это такие традиционные философские категории, как пространство, время, материя, личность и т.д. Необходимость такого анализа, например, с точки зрения Стросона, диктуется тем, что структура, которую ищет философ, не обнаруживает себя на поверхности языка, она погружена вглубь его, и

поэтому метод описания актуального использования слов естественного языка, характерный для философии обыденного языка, недостаточен для целей метафизического анализа. В этом случае требуется общая философская теория языка.

О необходимости построения философской теории языка говорят и другие последователи Витгенштейна. Эта тенденция также является новым моментом в аналитической философии языка, поскольку как в неопозитивизме, так и самим Витгенштейном отрицалась (хотя и на разных основаниях) плодотворность построения философских теорий.

Стросон пытается найти особые способы построения такой теории, его не удовлетворяет и метод построения формализованных языков. Д.Дэвидсон (39), напротив, рассматривает формализованный язык в качестве теории естественного языка. Работы Д.Дэвидсона, Дж.Райла открывают для аналитической философии возможность сочетания, объединения анализа формализованного и естественного языков.

Объединяет этих философов ориентация на анализ системы категорий, а не отдельно взятого понятия (слова). Эта тенденция получила название «холизма». Суть ее состоит в том, что была осознана невозможность установления значения (референции) для отдельно стоящего слова, что значение отдельного слова зависит от смысла контекста (предложения, в которое входит слово, и даже от теории языка в целом). Это означало радикальное изменение концепции языка и представления о методе. Ведь метод анализа (разложения на части) использовался как возможность достижения элементарных единиц носителей смысла и значения, в качестве которых и представало отдельное слово, «атомистическая концепция языка». Теперь анализ в буквальном смысле слова стал невозможен.

Итак, аналитическая философия расширила область «философии языка», включив в нее те проблемы, которые логический позитивизм отбрасывал как «метафизические». Изменилась концепция языка. На первый план выдвинулись вопросы семантики, а проблемы формализации и аксиоматизации отошли на второй план. Эта ситуация (а также сведение логики к синтаксическому уровню) и послужила основанием для вывода, что логика перестала играть существенную роль в аналитической философии.

Отношение к онтологической проблематике в аналитической философии нельзя признать однозначным. Хотя общая тенденция проявляется в признании ее, в то же время ряд философов-аналитиков продолжают ее отрицать. В качестве такой антиметафизической программы

следует рассматривать, например, программу «натурализованной эпистемологии» У.Куайна. «Эпистемология, — пишет Куайн, — или нечто подобное ей, рассматривается как часть психологии и, следовательно, как часть естественной науки» (цит. по: 46, с.23).

Признание онтологии осуществляется в различных формах: либо путем семантизации онтологии (М.Даммит, 41), либо путем обращения к идеям трансцендентализма (Б.Страуд, 54).

Характер исследования Даммита обусловлен его концепцией философии как концептуального анализа, т.е. философия не говорит нам ничего о мире, а говорит только о рассуждениях о мире и каковы границы этого рассуждения. Но отсюда можно сделать определенное онтологическое заключение: мир, о котором мы думаем, что он существует, должен быть точно таким миром, о котором мы думаем, что он существует.

Центральным вопросом метафизики является вопрос об отношении реализма и антиреализма. Реализм говорит, что истина не зависит от нашей способности решить, что есть истина. С этой точки зрения, заявление, что любое утверждение является либо истинным, либо ложным, не может быть опровергнуто тем фактом, что мы не способны установить, какое оно есть. А наше понимание утверждения состоит в нашем знании того, что сделало его истинным (условий его истинности).

Требование, что каждое утверждение является либо истинным, либо ложным, есть требование бивалентности. Оно тесно связано с законом исключенного третьего: для каждого утверждения А, (А или не-А) является логическим законом.

В интуиционистской концепции логики закон исключенного третьего не имеет силы. Это означает, что нет концепции условий истинности для таких утверждений, которые выходят за рамки нашей возможности проверить их истинность. Следовательно, мы не можем считать, что утверждение либо истинно, либо ложно, независимо от нашей способности определить, какое из них какое.

Таким образом, среди споров вокруг реализма, Даммит видит вопрос о том, какая логика является «правильной» (т.е. логикой, которая корректно описывает, как истинностные значения сложных утверждений зависят от истинностных значений их частей).

Классическая и интуиционистская логики различаются только в их правилах исключения для отрицания (в системах натурального вывода). Введя понятие «стабильности» (аналог обоснованности), Даммит показывает, что в классическом случае отрицание не является обосно-

ванным. Но стабильность может быть достигнута в случае интуиционистской логики. Это ведет к предпочтению последней для обсуждения вопроса о теории значения.

Поскольку метафизика имеет основания в логике, а логика в теории значения, то именно теория значения и есть непосредственное основание метафизики, с точки зрения Даммита.

Концепция Даммита означает, что традиционные проблемы онтологии и эпистемологии (такие, как проблема существования, проблема реализма и т.д.) должны быть переформулированы как проблемы значения языкового выражения (проблема референции) или условий истинности языкового выражения (проблема истины).

Этот процесс семантизации онтологии и эпистемологии стал возможным с развитием в самой логике семантических средств анализа языка.

Следует отметить, что некоторые философы возражают Даммиту в его попытке связать вопрос о реализме с вопросами об истине и значении. Так, М.Дэвитт (40) считает, что вопрос о реализме не имеет отношения к семантическим вопросам, а связан с вопросом о видах предметов, которые существуют в мире. Дэвитт является сторонником реализма, в соответствии с которым материальные объекты существуют вне нас и независимо от нашего опыта. С его точки зрения, реализм не предполагает никакой теории истины. И понятие истины (как соответствия утверждения реальности) не предполагает реализма, так как ничего не говорит о реальности кроме того, что она объективна. Но и идеалист может верить в объективное существование физических объектов, при этом считать их всего лишь чувственными данными. Чтобы перейти от понятия истины к реализму, необходимо добавить определенную спецификацию относительно природы физической реальности. А именно реальность должна состоять из представителей наиболее распространенных физических типов, о которых говорят здравый смысл и наука. Но в таком случае можно просто утверждать реализм.

Но Дэвитт также считает, что онтологический вопрос становится ясным только, когда мы переходим к метаязыку и рассматриваем семантический аспект вопроса. Таким образом, семантический аспект является как бы вторичным. Человек может быть неявно привержен существованию чего-то посредством семантического критерия только потому, что он может быть явно привержен существованию этого чего-то посредством не-семантического критерия. Существование — это фундаментальное и интуитивно ясное понятие, не нуждающееся в пояснении.

Реализм, с точки зрения Дэвитта, выступает в двух основных формах: как реализм здравого смысла и как научный реализм. Основное различие между ними заключается в утверждении о существовании «ненаблюдаемых сущностей», полагаемых наукой. Конечно, не следует верить в сущности, полагаемые всеми теориями, а только в те, для принятия которых есть веские основания.

Логика и эпистемология

Судьба эпистемологии в аналитической философии была схожа с судьбой онтологии. В логическом позитивизме эпистемология была вытеснена или, лучше сказать, существовала в виде философии языка и философии науки. Так, с точки зрения М.Шлика, «поворот» в философии выражается в том, что все традиционные проблемы гносеологии (исследование человеческих познавательных возможностей) заменяются проблемами выражения, т.е. проблемами языка, в самом широком смысле этого слова. Например, снимается вопрос о границах познания, поскольку познанным считается все, что может быть выражено в языке. Философия представляет собой деятельность, благодаря которой устанавливается или обнаруживается значение предложения. Шлик впервые обращается к верификации как способу установления истинности (ложности) любого предложения.

В 70-е годы в аналитической философии идут дискуссии по проблемам реализма, скептицизма, трансцендентального аргумента, ход которых свидетельствует о повороте к эпистемологической проблематике в собственном смысле этого термина.

В дискуссиях о реализме новые тенденции связаны с изменением представлений о статусе научного знания. Аналитическая философия пытается решить эту проблему применительно к знанию вообще, а не только к научному. Это ведет к возникновению новых форм реализма, таких как эпистемологический и онтологический. Таким образом, философия науки «переходит» в область традиционной эпистемологии.

Одним из следствий тезиса теоретической нагруженности эмпирических терминов было установление того факта, что невозможно выделить чисто эмпирический язык теории. В результате под вопросом оказался принцип фундаментализма как принцип построения всего научного знания. Надо было или модифицировать эмпиризм, или отказаться от поисков фундамента знания. В постпозитивизме присутствуют обе тенденции.

На место дихотомии «эмпирическое – теоретическое» была предложена дихотомия «эмпирическое – концептуальная схема» (39). Под концептуальной схемой имеется в виду система категорий, оформляющая данные опыта, чувственные данные.

Роль концептуальной схемы в обосновании знания оценивается двояко в зависимости от того, признается ли релятивизм концептуальных схем или концептуальная схема рассматривается как неизменная часть знания, как некоторый инвариант знания при смене теорий. В первом случае релятивизм как характеристика развития научного знания признается неизбежным. Попытки же противостоять релятивизму наталкиваются на трудности в установлении эпистемологического фундамента знания. Эта ситуация ведет к возрождению эпистемологического скептицизма, т.е. к сомнению в возможности оправдания нашей уверенности в существовании внешнего мира.

Проблема опровержения скептицизма вырастает в самостоятельную проблему аналитической философии (28). Стратегия опровержения скептицизма основана на том, что скептик сомневается на «философских основаниях», т.е. строит некоторую аргументацию для своего сомнения. Задача опровержения состоит в том, чтобы продемонстрировать бессмысленность скептического утверждения. Этому пытаются достигнуть с помощью «трансцендентального аргумента», т.е. умозаключения от наличия у нас некоторых понятий к объектам этих понятий. Парадигму трансцендентального аргумента современные философы находят в «Аналитике» Канта, в частности в его учении об опыте. Потому дискуссия связана, с одной стороны, с интерпретацией кантовских текстов с позиции современных аналитических воззрений, а с другой стороны, с вопросом, насколько рассуждения Канта сохраняют свое значение в наше время (в частности, в решении проблемы скептицизма, научного реализма и т.д.).

Некоторые аналитические философы (Б.Страуд, 54) отмечают подход к «трансцендентальному аргументу», когда под ним имеют в виду прежде всего особую форму аргументации. Понять сущность «трансцендентального» означает понять сущность философии. Это означает, что в аналитической философии начинают ставиться вопросы о специфике философии как дисциплины, которая может сказать о человеческом познании то, чего не может наука. Таким образом, и в этой области исследования аналитическая философия науки выходит в область традиционной европейской эпистемологии.

Особо следует выделить позицию У.Куайна (51). С его точки зрения, противостоять релятивизму можно только в рамках программы эмпиризма. Но защищать эмпиризм следует в его новой форме, основанной на холизме и реализме. Поскольку в этой форме эмпиризм не может дать гарантий истинности предложений, он не может претендовать на объяснение того, когда наши убеждения являются обоснованными. Таким образом, Куайн приходит к выводу о неправомерности постановки проблемы философского обоснования знания.

Итак, эволюция эмпиризма была вызвана стремлением к критическому преодолению наследия неопозитивизма. Она вобрала в себя идеи, идущие от истории науки, философии языка. Но в то же время эволюция эмпиризма приводит к релятивизму, скептицизму и отрицанию объективной истины, делает неразрешимой проблему обоснования научных теорий, а затем вообще разделение науки и ненауки.

Наиболее радикальный вывод из этой ситуации принадлежит Р.Рорти (21). Критика аналитическими философами эмпиристской программы оценивается Рорти как отрицание фундаменталистской теории познания, следовательно, и эпистемологии в целом. Рорти считает, что аналитическая философия в ее современном состоянии завершает определенный этап развития западной философии. Этап, который он называет «картезианско-кантианским», был основан на логике и эпистемологии. Аналитическая философия была просто вариантом кантианства. Их различие состояло прежде всего в том, что Кант понимал представление как ментальное явление, а аналитическая философия — как языковую деятельность. Но это различие, с точки зрения Рорти, не меняет проблематики и не способствует новому пониманию философии. На смену картезианско-кантианскому должен прийти новый тип философствования. По Рорти, философия не должна заниматься поиском фундамента знания. Знание научной истины не дает ответа на главный, с его точки зрения, вопрос — о цели и оправданности нашего познания. Это — моральная проблема, и философия должна быть прежде всего «практической», но не критической в кантовском смысле, она должна быть обучающей и понимающей. Понимание возможно через диалог, беседу, дискурс. Тем самым, главная задача философии видится Рорти как поддержание, сохранение интеллектуального диалога, пока на это есть надежда.

Таким образом, Рорти как бы ставит последнюю точку в отрицании аналитической философией проблемы истины. Естественно, что позиция Рорти вызвала широкую дискуссию. Его попытка строить фило-

софию без эпистемологии оценивается некоторыми аналитическими философами как «самоубийство» философии.

Подведем некоторые итоги рассмотрения эволюции аналитической философии науки. В ее развитии указанные этапы выделяются наиболее четко. Неопозитивистская программа, отразившая состояние науки в начале века, боровшаяся со спекулятивным, умозрительным философствованием, привлекавшая западных ученых и философов своим оптимизмом в осуществлении построения адекватной модели всего научного знания, высокими критериями профессионализма в области философии, тем не менее несла в своем основании ложную позитивистскую идею, которая и привела к кризису всей программы.

В постпозитивизме были поставлены новые по отношению к неопозитивизму проблемы. В первую очередь это проблемы развития знания и его социокультурных корней. Наука стала рассматриваться с более широкой точки зрения, чем в неопозитивизме, а именно как исторический и социокультурный феномен. Это, безусловно, определило возможность создания более адекватной модели науки, чем неопозитивистская модель. В то же время постпозитивизм столкнулся с многочисленными трудностями и сам стал подвергаться резкой критике за иррационализм, релятивизм и субъективизм в объяснении научного знания. Кроме того, он уже не кажется столь радикальной альтернативой неопозитивизму, какой считался ранее. Ряд исследователей теперь признают, что постпозитивизм, несмотря на критику неопозитивизма, все же не затронул многих базисных положений последнего.

Дискуссии о природе познания занимают сегодня одно из центральных мест в западной философии (11, 58). Обусловлено это тем, что наука накопила достаточно много нового материала в области исследования мышления, психики человека, который потребовал своего философского обобщения.

Аналитическая философия не осталась в стороне от этого процесса возрождения интереса к эпистемологии. В логическом позитивизме эпистемология была вытеснена или, лучше сказать, существовала в виде философии языка и философии науки. Признание эпистемологии в качестве самостоятельной дисциплины позволяет говорить о «когнитивном повороте» в аналитической философии. В центр исследования ставится проблема получения знания, проблема эмпирического субъекта познания. При этом подчеркивается, что наука является исследованием мира человеком, а не мира самого по себе. Изменение перспективы от анализа знания, как оно зафиксировано в языке, к анализу природных биологи-

ческих и психических механизмов его получения и обработки опирается на современную науку о мышлении. Эти новые черты эпистемологии вкладываются в смысл термин «натурализованная эпистемология» (51, 46).

Программа натурализации эпистемологии не могла не вызвать критику со стороны философов языка, со стороны тех, кто пытается выделить особую предметную область философии. Натурализованную эпистемологию обвиняют в отрицании социальной природы познания. В ответ на эти обвинения некоторые сторонники натурализованной эпистемологии предлагают расширить смысл натурализованной эпистемологии, считая, что она может определяться не только психологией, но и другими естественными, и даже гуманитарными науками.

Логика в историко-философских исследованиях аналитической философии

Новой чертой в развитии аналитической философии является ее очевидный поворот к историко-философским исследованиям.

К числу метафизических, т.е., по мнению логических позитивистов, лишенных значения утверждений относились не только метафизические в узком смысле (относящиеся к проблемам Бога, свободы воли и бессмертия души), но и онтологические утверждения. Считалось, что нельзя ставить вопросы о мире в целом («внешние вопросы», в терминологии Р.Карнапа). А также суждения религии, этики и других философских дисциплин, связанных с исследованием норм, оценок (поскольку оценочные суждения также относились к псевдоутверждениям).

Процесс возрождения метафизики в аналитической философии означает прежде всего признание метафизических утверждений осмысленными. Анализ языка уже не связывается с задачей устранения метафизики. Он приобретает самостоятельное значение, а некоторые аналитические философы не рассматривают философию языка как фундаментальную дисциплину философии. Таким образом, процесс реабилитации метафизики в аналитической философии способствовал расширению ее предметной области, которая сегодня охватывает все традиционно философские дисциплины (онтологию, эпистемологию, этику, эстетику и т.д.)

Возрождение метафизики означает для аналитической философии, по существу, признание ценности философского знания наряду с научным. В 80-е годы вновь выдвигается проблема соотношения философии и науки, проблема специфики философских методов познания мира.

Процесс возрождения метафизики привел к осознанию аналитическими философами влияния онтологической и эпистемологической проблематики на трактовку языка. Аналитическая философия 80-х годов расширила понятие «анализ языка», включив в него вопросы соотношения языка и внешнего мира, языка и сознания.

Возрождение интереса аналитических философов к метафизике было связано, в первую очередь, с возрождением онтологической проблематики.

Этот процесс определялся как внутренними, так и внешними для аналитической философии причинами. Внутренней причиной следует считать то, что логический позитивизм вынужден был признать несостоятельность целого ряда своих положений. К ним относятся положения о возможности четкого разграничения синтетических и аналитических утверждений (известна критика этого положения У.Куайном), эмпирического и теоретического словарей (критика постпозитивистов, в частности П.Фейерабенда), формулировки в логических терминах критерия осмысленности, а также принципа подтверждения. Потерпели неудачу и все попытки провести четкую границу между наукой и философией на базе строго эмпирического критерия. Сциентизм, как отметила М.Хессе, стал скорее идеологическим, чем философским тезисом, поскольку он не смог опереться на точные формулировки, в частности, принципа верификации (45). Те, кто еще продолжал придерживаться позиций логического позитивизма, предпочли прагматический выход: признать осмысленным все, что считается определенным научным сообществом. Здесь следует отметить и признание познавательного статуса теоретических терминов (в одной из последних работ Р.Карнапа), откуда оставался только один шаг до признания такого же статуса и у метафизических терминов. В общем, к 60-м годам кризис неопозитивистской программы стал очевиден для самих аналитических философов. Отрицание метафизики подверглось резкой критике, и для аналитической философии вновь встал вопрос о природе философского знания.

Вместе с тем процесс возрождения метафизики не был только внутренней потребностью развития аналитической философии. Само крушение позитивизма и реабилитация метафизики выражают измене-

ния более широкого — общефилософского, и даже общекультурного — фона, начавшиеся в 60-х годах Реабилитация философского знания — это реакция аналитической философии на изменившееся положение самой науки, на изменение ее характеристик, на рост авторитета и значимости для общества гуманитарных дисциплин, на гуманитаризацию всех сфер знания и деятельности человека и общества в целом.

Новой чертой развития аналитической философии годов является ее интерес к историко-философской проблематике. Это выражается в росте потока публикаций аналитических философов, посвященных философии И.Канта, Дж.Локка, Д.Юма, Р.Декарта, а также средневековой и древнегреческой философии.

Меняется и представление аналитической философии о своем месте в истории философии. Как уже отмечалось, логический позитивизм подавал себя как новый вид философствования, поэтому его интересовало, прежде всего, свое собственное внутреннее развитие. Отсутствие у ранних аналитических философов исторического интереса побуждало их завышать оценки своего разрыва с традиционной философией. Это выражалось, в частности, в подчеркивании уникальности каждого отдельного представителя своего течения. Сегодня на смену заявлениям о якобы новой, «революционной», философии приходит осознание связей аналитической философии с предшествующим ей развитием философии. Теперь аналитическая философия пытается представить себя продолжателем определенной традиции в истории философии. Она пытается поддержать свои позиции авторитетом общепризнанных философов. Особенно большой интерес проявляется к философии Канта.

Историко-философские исследования аналитических философов призваны по-новому осмыслить свое место и роль в философии. Так, в 80-е годы под влиянием реабилитации метафизической проблематики ставятся вопросы о том, был ли метафизиком Дж.Мур? Можно ли считать реалистом Г.Фреге? Пересматривая историю своего направления, аналитики 80-х годов положительно отвечают на подобные вопросы.

Причиной столь радикального изменения отношения аналитической философии к истории философии связаны с кризисом позитивистской программы и возрождением метафизики, с изменением самого способа философствования, с отказом от абсолютизации формально-логического метода, с проникновением идеи развития сначала в философию науки, а затем и в другие философские дисциплины.

Специфика аналитической философии накладывает отпечаток на методологию историко-философских исследований. Наиболее распро-

страненным является метод реконструкции – переформулировки философской системы в формальном языке аналитической философии. Примерами могут служить реконструкция учения Канта П.Стросоном в духе созданной им дескриптивной метафизики или реконструкция М.Даммитом идей Фреге как философии языка.

Однако метод реконструкции не является общепринятым в аналитической философии. Его специфика заставляет некоторых аналитиков отрицать, что применение данного метода к Канту, Локку или другим философам являет собой собственно историко-философское исследование. Действительно, в таких исследованиях в центре внимания стоят не сами учения Канта или Локка, а сегодняшнее состояние обсуждавшихся ими проблем (например, проблем априоризма и эмпиризма). Аналитического философа не интересует эпоха Канта, его влияние на нее, история самого учения Канта и другие подобные вопросы историко-философского исследования. Это – история идей (постановок, формулировки проблем и их решений). Меняется предоставление о понимании философского учения. Понять – значит перевести в современный язык. Метод реконструкции как бы исключает саму историю из историко-философских тем. Поэтому задача определяется как поиск адекватных методов исследования историко-философской проблематики. Однако в аналитической философии начинает чувствоваться неудовлетворенность методологической узостью этого подхода. Стремление придать более широкую мировоззренческую основу самому существованию аналитической философии выражается в попытках объективного конкретно-исторического анализа. Это явление – совершенно новое для аналитической философии. Например, в самые последние годы появились конкретно-исторические исследования философии Дж.Локка (Д.Ричетти, М.Эарс, Л.Крюгер), И.Канта (Л.Бэк, Дж.Беннет), истории античной философии (Дж.Моравчик, Б.Уильямс), английского эмпиризма (Д.Мэкки, Д.Дженкинс), аристотелевская этика стала предметом анализа Дж. Армсона, силлогистика – Патцига, средневековые модальные теории С.Кнуттила, Салмон исследует зеноновские парадоксы. Целый ряд работ Я.Хинтики посвящен истории эпистемологии. Предметом исследования становится и философия XX века. Например, работы Фолесдала.

Их интерес связан с логическим анализом философских текстов, т.е. их подход аналогичен подходу логика-профессионала к логическому анализу философского текста. Современный уровень развития логики позволяет по-новому взглянуть на старые философские проблемы. Здесь

мы видим традиционно критическую линию аналитической философии (начиная с Р.Карнапа).

Особенно больше значение для аналитической философии имеют идеи Канта. Говоря о возрождении интереса к идеям Канта, было бы неверным утверждать, что кантовское учение до 80-х годов не оказывало влияния на аналитическую философию. Такое представление культивировалось именно самими аналитическими философами в период господства неопозитивизма. Кант, как и вся немецкая классическая философия, остается одним из источников современного философствования.

Кантовские темы всегда присутствовали в аналитической философии. Их разрабатывали, например, Я.Хинтиikka, У.Селларс, Р.Решер и др. Но работы этих авторов не воспринимались как поворот к историко-философским исследованиям в аналитической философии, поскольку они, в основном, касались традиционных для логического эмпиризма тем. Когда сегодня говорят о возрождении интереса аналитической философии к наследию Канта, то имеют в виду осознание влияния его философии на аналитическую философию и обращение непосредственно к кантовским текстам, которые служат аналитическим философам материалом для «реконструкции», диктуемой нуждами сегодняшнего философствования, либо для конкретно-исторических исследований.

Историко-философский поворот в аналитической философии выразился не только в стремлении показать преемственность с традиционной философией, но и выявить метафизические мотивы основателей данного направления – Г.Фреге, Дж.Мура, Ч.Пирса, Б.Рас-села, Л.Витгенштейна. Трудность анализа этого вопроса заключается в том, что Фреге и Мур, Рассел и Витгенштейн критиковали метафизику в ее традиционном понимании, в их работах нет прямых текстов, посвященных онтологической проблематике. Поэтому речь может идти только о реконструкции их текста таким образом, чтобы выявить имплицитное влияние онтологии в области логики, философии математики, философии языка.

В интерпретации идей основоположников аналитической философии также четко прослеживаются общие этапы ее эволюции. Так, в период господства позитивизма отрицалось влияние метафизических и мировоззренческих идей на философию языка и науки. Сегодня считается необоснованным мнение об антиметафизичности философии Рассела, Мура, Фреге и др.

Итак, развитие аналитической философии до 60-х годов характеризуется попытками построения философии без метафизики. В середине

60-х стало окончательно ясно, что ни одна из таких попыток не имеет успеха. Поэтому основное изменение перспективы развития аналитической философии оказалось связанным с процессом возрождения интереса к проблемам метафизики, к традиционно философским проблемам.

Изменение отношения к метафизике и историко-философской проблематике, в свою очередь, определяют еще одну новую черту аналитической философии 80-х годов. Речь идет об изменении ее отношения к современной континентальной (европейской) философии: противоборство уступает место взаимному интересу и взаимному влиянию. Л.Нагль определил это новое направление аналитической философии как «постаналитическое» и соотнес с ним исследования Р.Рорти, Ст.Кавела (аналитическая эстетика). Нагль считает, что сегодня можно говорить о новой, объединенной конвергированной философии, ключевыми вопросами которой становятся проблемы субъекта и его роли в познании и деятельности, проблемы интенциональных понятий и их роли в современной теории языка, роли языкового сообщества в познании и др. «Перед лицом этого “постаналитического” развития старое различие между континентально-европейской философией, с одной стороны, и “самоуверенно-новаторским неопозитивизмом”, с другой, которое определяло философскую жизнь, вплоть до 70-х годов начинает стремительно терять свою привлекательность» (58, с.7).

Заключение

К концу века аналитическая философия настолько далеко отошла от своих истоков, так радикально изменила свое понимание метода анализа, свое отношение к метафизике, онтологии и эпистемологии, что встал вопрос: а существует ли вообще такое направление, и какое место оно занимает среди других философских направлений (1, 27–29, 58)?

Изменения, произошедшие как в самой аналитической философии, так и в логике, привели к изменению характера их связи. На первый план выдвинулись проблемы соотношения онтологии и логики, эпистемологии и логики. Решающая роль в анализе онтологических и эпистемологических проблем принадлежит методам логической семантики и логической прагматики. Остается верным вывод о том, что проблемы формализации отошли на второй план. Но метод построения формализованных языков остается основным как в семантике, так и в прагматике. Большое место в аналитической философии занимает анализ традиционных философских проблем методами неклассической логики.

Уже в постпозитивистском движении было обращено внимание на активную роль человека в познании, на социальную природу, на ценностные аспекты познания. Были поставлены проблемы научного творчества, разрабатывались эвристические аспекты мышления. Постаналитический этап вырастает именно как критика предыдущего этапа и этим он оказывается все еще связанным с ним. В позитивной части своей программы постаналитический этап выдвигает новые аспекты исследования, прежде всего проблемы понимания, субъективности познания.

Специфика этого этапа состоит в том, что аналитическая философия уже более не обособляется от других философских направлений, а, напротив, активно использует идеи герменевтики, феноменализма, прагматизма, трансцендентализма и других современных философских течений в своих исследованиях. Каким образом в этом будет задействована логика, покажет время.

Список литературы

1. Аналитическая философия в XX в.: (Материалы «Круглого стола») // Вопр. философии. – М., 1988. – N 8. – С.48–94.
2. Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. – Л., 1988. – 151 с.
3. Брюшинкин В.Н. Психологизм на пороге XXI в. // Логическое кантоведение—4. – Калининград, 1998. – С.84–99.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч.1. – 612 с.
5. Вессель Х. Принцип универсальности или принцип терпимости? (Критические заметки об интуитивистской концепции логики) // Исследования по логике научного познания. – М., 1990. – С.101–114.
6. Фригт Г.Х. фон. Логика и философия в XX в. // Вопр. философии. – М., 1992. – N 8. – С.80–91.
7. Вуйцицкий Р. Три рода логики // Исслед. по логике научного познания. – М., 1990. – С.92–94.
8. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина: К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. – М., 1998. – 151 с.
9. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. – М., 1982. – 256 с.
10. Грязнов А.Ф. Феномен аналитической философии в западной культуре XX в. // Вопр. философии. – М., 1996. – N 4. – С.37–47.
11. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия: Проблемы и дискуссии последних лет // Вопр. философии. – М., 1997. – N 9. – С.82–95.

12. Драгалина–Черная Е.Г. Формальные онтологии: Аналитическая реконструкция. – М., 2000. – 179 с.
13. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М., 2001. – 256 с.
14. Логико-философские труды В.А.Смирнова / Под ред. Шалака В.И. – М., 2001. – 592 с.
15. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 382 с.
16. Карпенко А.С. Логика на рубеже тысячелетий // Логические исследования. – М., 2000. – Вып.7. – С.7–60.
17. Логические исследования. – М., 1999. – Вып.6. – 273 с.
18. Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. – М., 2002. – 624 с.
19. Новые тенденции в зарубежной философии науки. – М., 1981. – 176 с.
20. Пятницын Б.Н. Логика как модель // Исследования по логике научного познания. – М., 1990. – С.94–101.
21. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск, 1997. – 297 с.
22. Сидоренко Е.А. Логика. Парадоксы. Возможные миры: Размышления о мышлении в девяти очерках. – М., 2002. – 312 с.
23. Смирнов В.А., Таванец П.В. О взаимоотношении символической логики и философии // Философия в современном мире: Философия и логика. – М., 1974. – С.5–34.
24. Смирнова Е.Д. Логика в философии и философия логики // Логические исследования. – М., 2000. – Вып.7. – С.217–231.
25. Смирнова Е.Д. Логика и философия. – М., 1996. – 304 с.
26. Смирнова Е.Д. Логика и философия // Вопр. философии. – М., 2000. – N 2. – С.35–48.
27. Современная аналитическая философия. – М., 1988. – Вып.1. – 197 с.
28. Современная аналитическая философия. – М., 1989. – Вып.2. – 151 с.
29. Современная аналитическая философия. – М., 1991. – Вып.3. – 190 с.
30. Сорина Г.В. Логико-культурная доминанта: Очерки теории и истории психологизма в культуре. – М., 1993. – 200 с.
31. Сорина Г.В. Психологизм и антипсихологизм: Возникновение, циклы подъема и спада в культуре // Логическое кантоведение-4. – Калининград, 1998. – С.59–84.
32. Сорина Г.В., Меськов В.С. Логика в системе культуры // Вопр. философии. – М., 1996. – N 2. – С.93–103.
33. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 839 с.
34. Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М., 2000. – 512 с.
35. Философия и научное познание. – М., 1992. – 167 с.
36. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980. – 447 с.
37. Ayer A.J. Language, truth and logic. – L., 1936. – 254 p.
38. Classics of analytical metaphysics. – Lanham etc., 1984. – XIV,522 p.

39. Davidson D. *Essays on actions and events*. Oxford, 1980. – XVI,304 p.
40. Devitt M. *Realism and truth*. – Oxford, 1984. – IX,250 p.
41. Dummett M. *Origins of analytical philosophy*. – Cambridge (Mass.), 1994. – XI,149 p.
42. Dummett M. *The logical basis of metaphysics*. – Cambridge (Mass.), 1991. – XI,355 p.
43. Karpn R. *Der logische Aufbau der Welt*. – B., 1928. – XII,290 S.
44. Kripke S. *Naming and necessity*. – Cambridge, 1980. – 7,172 p.
45. *Logical positivism in perspective: Essays on language truth a. logic*. – L., 1987. – VII,129 p.
46. *Naturalising epistemology*. – Cambridge (Mass.); L., 1985. – VII,305 p.
47. Naturno M. *The basic confusion of psychologism // Логическое кантоведение—4: Тр. междунар. семинара, Калининград, 1998. – С.100–118.*
48. *New readings in philosophical analysis*. – N.Y., 1972. – XI, 678 p.
49. Patzig G. *Aristotle's theory of syllogism: A logical-philological study of Book A of the Prior analytics*. – Dordrecht, 1968. – 207 p.
50. *Post-analytical philosophy*.- N.Y., 1985 – XXX,275 p.
51. Quine W. *From stimulus to science*. – Cambridge (Mass.), 1995. – VI, 14 p.
52. Russell B. *My philisophical development*. – L., 1975. – 207 p.
53. Schlick M. *Philosophical papers*. – Dordrecht etc., 1979. – Vol.1: (1909-1922) – XXXVIII, 376 p.
54. Straud B. *Analitische Philosophie und Metaphysik // Wo steht die Analytische Philosophie heute?* – Wien; München, 1986. – S.58–74.
55. Strawson P. *Individuals: An essay in descriptive metaphysics*. – L., 1961. – 255 p.
56. Strawson P. *The bounds of sense: An essay on Kant's critigue of pure reason*. – L., 1966. – 296 p.
57. *The linguistic turn.: Recent essays in philosophical method*. – Chicago; L., 1967. – 8,393 p.
58. *Wo steht die Analytische Philosophie heute?* – Wien; München, 1986. – 192 S.